

Валерий КОРНИЕЦ

ВКУС
ПОЛЫНИ

*Корниец Валерий Петрович родился 25.02.1940 г.
Закончил филфак Кировоградского пединститута
им. А.С. Пушкина. Работал учителем, завучем и директором
в ряде школ г. Кировограда.*

*С 1983 по 1987 год был командирован в ДРА, где
работал советником Главного управления школ-интернатов
при Совете Министров Афганистана, занимался созданием
школ-интернатов для детей-сирот.*

*Пишет с юности, но только в 2010 году решил
опубликовать первый сборник лирических стихов «Судьбы
веретено».*

*В 2011 г. вышел сборник «Струны души», в 2012 –
сборник «Над кручею» и книга переводов с украинского языка
избранных произведений кировоградских поэтов.*

*Член Кировоградской областной организации
Конгресса литераторов Украины.*

Валерий КОРНИЕЦ

*Посвящается
моим внукам
Леночке и Артёму*

ВКУС ПОЛЬНИ

Кировоград-2013

ББК 84(4РОС) 6-5

УДК 82-1

К 24

Корниец Валерий.

К 24 Вкус полыни– Кировоград:

Центрально-Украинское издательство, 2013. - 169 с.

ISBN 978-966-130-013-1

В новой книге В.Корниец – большая подборка новых оригинальных произведений, а также переводы выдающихся украинских поэтов В. Базилевского и В. Симоненко. Как собственные стихи, так и переводы написаны на высоком художественном уровне, с присущими его поэтическому самовыражению душевностью и страстностью, искренностью и лиричностью.

ББК 84(4УКР) 6-5

УДК 82-1

ISBN 978-966-130-013-1

© В.Корниец, 2013

© С.Янчуков, предисловие, 2013

© Центрально-Укр. изд-во, 2013

А песня сердца к сердцу достигнет

Феномен Валерия Корница в том, что только в 2010, в полные семьдесят лет, он издал свою первую книгу, хотя стихи пишет всю жизнь. При этом сам он поэтом себя не считал, говорил: просто пишу стихи – для души, для жены, для друзей. Именно друзья уговорили его тогда издать книжку. Он был рад, но назвал ее «первой и последней», дескать – больше в издательство ни ногой.

Но не тут-то было! Книжка удалась, как говорится, – пошла и очень понравилась тем, кому посчастливилось ее прочитать. Каждый из них нашел в ней те мысли, чувства, образы, которые тронули его и отозвались в его душе. Это было закономерно, поскольку собранное в книге было талантливо. Так сказали Валерию не только друзья, но и просто читатели. То ли это возымело действие, то ли он сам понял, что слишком завышает для себя «творческую планку», но, как говаривал классик, «лед тронулся»...

Бывает в спорте: когда атлет преодолевает в процессе борьбы состояние усталости – у него открывается второе дыхание. Это «второе дыхание» (но творческое) явно открылось у В.Корница: за последующий два с небольшим года он подготовил к изданию еще четыре (!) книги и 3 из них уже вышли. И при этом – что особенно отрадно и важно – наблюдается восходящий процесс: каждый новый сборник сильнее предыдущего – по лирическому звучанию, поэтическому настрою, эмоциональному накалу, глубине впечатления, образности мышления. Наблюдаем и возрастание гражданского пафоса – обеспокоенности автора тем, что нам болит, чем мы живем, за что боремся, куда идем и к чему стремимся. И звучат стихи более емко и насыщенно, возьмите навскидку любое стихотворение, перечитайте и обратите внимание: в каждой строфе есть зерно.

В. Корницу поддаются все поэтические жанры: традиционные

стихотворения, октавы, сонеты, катрены, юмористические и сатирические четверостишия, а в последующих книгах они прирастают балладами, притчами, поэмами. Например, во втором сборнике появились 2 мастерски написанные, очень трогательные и лиричные поэмы «Далекое близкое» и «Счастье на ладони», а в третьем – большая поэма об Афганистане (где автору довелось 4 года работать) «Простреленное небо». Вообще-то это произведение несколько превышает понятие «поэма», скорее всего – это эпическое сказание о драматичном пребывании в воюющей стране:

*Над пропастью, по лезвию, по грани,
Не воин в необъявленной войне,
Четыре года пробыл я в Афгане –
И тридцать лет Афган живет во мне.*

Еще один важный компонент поэзии В.Корнийца, – его работа над словом. Он не только по диплому, но и по призванию учитель русского языка и литературы, очень хорошо и глубоко ее знает. И вроде как само собой понятно богатство лексического наполнения его стиха. Но (в этом я убедился как его редактор) он постоянно и скрупулезно работает над словом, чтоб оно было единственно правильным и уместным, то есть точным, а также – емким, ярким, весомым. При этом он не избегает широкого использования сугубо украинских слов (осторонь, буревей, задум, тын, дымарь, зажинок, чумаченьки, чуб, зух, мажа и др.), которые абсолютно органично вплетаются в русский текст.

Поэтический талант, большой жизненный опыт, доброе отношение к миру и человеку определяют многообразие тем поэзии В.Корнийца. Обобщенно можно сказать, что главная тема его творчества – жизнь человека и общества, но чисто условно приоритет можно отдать произведениям о родном крае и его природе.

*Золотистый закат в синий бархат опущен,
Воздух словно застыл, стал весомей и гуще,
А лягушки в запруде устроили вече...
Добрый вечер!*

Так поэт обращается к своей Гордеевке с «хатенкой у пруда». Но только ли к ней? Да нет, вся «среда обитания», города́ и веси, да и просто те улицы го́рода, где живут его герои, становятся предметом описания. И какого! Вот, к примеру, солнце и луна, все мы их видим – ну и что? А поэт видит так:

*Стирает солнце, оплывая,
Кайму багряного развода.
Луна румяным караваем
Легла на скатерть небосвода.*

А вот про дождь:

*С изумрудной челкой,
От веснушек рыжий,
Майский дождь чечетку
Танцевал на крыше.
Как ребенок, весел,
Дерзок и раскован,
К тополям подвесил
Радуги подкову.*

Жизненный опыт и умудренность определяют (опять-таки условно) второй большой пласт дум и мыслей поэта – проблемы нашего бытия, в котором, к сожалению, меньше радостей, чем огорчений и сложности. Здесь, прежде всего, оставшийся нашему поколению след войны:

*«Все мы родом из детства,
И не наша вина,
Что на нем болью сердца
Расписалась война».*

И хоть «мы все – войны подранки», но так много мы (наше поколение) сделали: возродили, подняли, развили, построили, проложили и т.д., короче – «творили страны историю». И ладно, что той страны нет, обидно, что в этой плохо. Та же упоминавшаяся здесь Гордеевка:

*Чернозем наш весь мир когда-то
Поражал своим плодородием,
Но пришел чужак-арендатор –
Заболела земля бесплодием.*

А тем временем *«Вожди, друг друга понося, Вербуют наши голоса»*, и как следствие –

*«Ломаются крылья романтики,
Икары не рвутся ввысь,
А сказочники-обманщики,
Как блохи, сейчас развелись».*

А также:

*«Разрушаются веры храмы –
Воздвигаются башни гордыни»*

А поскольку *«Его душа открытой раной Болит за то, что видит он»*, то и берут у поэта верх тревожно-ностальгические нотки, все чаще его грустный голос заговаривает об осени:

*Бродит осень печальная,
Плачет листьями клен...
А надежды и чаянья
Ветер сдул под уклон.*

Прослеживается, что с осенью, как порой увядания, поэт идентифицирует себя, и хотя он – вполне понятно – грустит об этом, но предстаёт перед нами сильным и надвигающейся зимы не боится. Он больше переживает за нас. Учит ставить «Предостороги», напоминает, что «каждый должен нести свой крест», призывает «не храните в душе обиды», а также «Спешите друг друга не огорчать, А поддержать и порадовать...», «Зерно доброты бросим в сердце – Дай Бог, чтоб оно проросло...»

Есть в творчестве поэта еще одна тема, сказать бы – сквозная, которая проходит красной нитью через все его книги – тема любви. Да, он воспевает природу, родной край, людей, но здесь речь – о той любви, которая у нас называется «коханья», то есть о любви к женщине. И не вообще к женщине, а конкретно к одной – к своей жене, с которой они более полувека.

Вот, смотрите, как трогательно:
*«Подарил мне Творец жену,
Как родник из пластов глубинных.
Я с восторгом тону, тону
В карих омутах глаз любимых».*

Или вот:

*«Пусть проносятся годы мимо,
Но признаюсь, глаза в глаза,
Я люблю тебя одержимо,
Как полвека тому назад».*

А вот из другого сборника:

*«Приносит зима не всегда только белые краски,
Под солнцем снежинки сплетают нам радуг дугу.
А мы сохранили и верность, и нежность, и ласку,
И пламя костра, что не гаснет в любую пургу».*

Таких стихотворений – «о ней, единой» – в сборнике множество. Но не их количество вызывает восхищение или зависть, а то, что все это – искреннее.

Особое место в творчестве В.Корница занимает переводческая практика. Украинскую поэзию он знал и ранее, но не глубоко, а примерно год-полтора назад увлекся ее углубленным изучением и открыл для себя новый поэтический мир. Естественно, ему захотелось помочь русскоязычному читателю почувствовать, как сильна, богата и лирична украинская поэзия. Так и объединил он «под одной крышей» плеяду замечательных украинских поэтов, в том числе 5 земляков. Перевод в классическом смысле – это точная передача на другом языке как содержания, так и стиля, и манеры автора оригинала. В.Корниец очень строго соблюдает этот принцип и стремится передать не только слово, ритмику, стиль, образность стиха каждого поэта, но и его дух – эмоциональный настрой, особенности выражения мыслей и чувств. У него узнаваемы на русском языке наши незабываемые Л.Народовый, В.Гончаренко, В.Юрьев, В.Базилевич.

Большим достижением мне представляются его переводы Васыля Симоненко. Это воистину гениальный поэт, уникальный в своём письме – стиле, образности, особенно же в языке – ярком, красочном, эмоциональном и исключительно богатым. Переводить его невероятно сложно, но В.Корницу, видимо, помогает его поэтическое чутье: он не просто глубоко вчитался и понял, но и почувствовал В.Симоненко. Думаю, именно поэтому удалась

ВКУС ПОЛЫНИ

переводы (даже казалось бы непереводаемых) шедевров «Ти знаєш, що ти людина», «Лебеді материнства», «Є тисячі доріг» и даже цикла «Гиша і грім».

Очень важно, что в своих книгах В.Корниец помещает рядом оригинал и перевод: это даёт возможность читателю и сравнить, и насладиться обоими текстами.

Безусловно, есть у поэта – как и у каждого – какие-то слабости и просчёты, но это я высказываю ему лично в процессе подготовки изданий. Здесь же я об этом не говорю, поскольку отнюдь не претендую на всесторонний литературно-критический анализ его творчества. Это просто эссе, заметки, наблюдения и размышления о творчестве незаурядного поэта.

Станислав Янчуков

СУДЬБЫ ЧЕРЕСПОЛОСИЦА

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Меня давно зовёт в полёт
Вселенское кружение,
Но улететь мне не даёт
Земное притяжение.

Горит над лугом маков цвет,
Упали росы пьяные.
И вновь встречаю я рассвет,
Любовью одурманенный.

Жизнь быстротечна и шальна-
А сердце к сердцу просится.
Но столько раз мешала нам
Судьбы череспосолица.

Не нужно клятв. Мне слов любых
Мудрей твоё молчание.
И за соломинку любви
Хватаюсь я отчаянно.

Пока мы вместе, ты со мной
И сердце счастьем полнится,
Не унесёт в край неземной
Гонцов небесных конница.

И пусть пришла под грузом лет
Пора мостов сожжения,
Я не могу преодолеть
Земное притяжение.

Д О Р О Г А

С той минуты, как первый рассвет заалел
И пока мой закат не упал,
Ни мощёных дорог, ни прохладных аллей
Никогда не дарила судьба.

По пылающим углям измены костров
Босиком прошагала душа.
Был безжалостно туп равнодушья острог,
А в затылок предатель дышал.

Пусть списали в архив беспокойный мой век,
Полный войн, и свершений, и бед,
Но ведь в нём состоялся я как человек –
И за то благодарен судьбе.

Ташусь по жизни
 мелким дождичком:
В окно –
 и то не постучать.
А так хотелось бы
 над зонтиком
Грозою майской
 прорычать.

МУРАВЬИ

Забодали дела,
Отдохнуть лёг на склоне я.
Вдруг мой взгляд привлекла
Муравьишек колония.

Непрерывно снуют
Взад – вперёд по дорожке.
Немец скажет: “Зер гут,
Всем бы так хоть немножко”.

Тащат дружно жука
И кузнечику рады.
Жизнь не очень легка,
Но железный порядок.

Нет сомнению причин:
От момента рожденья
Каждый знает свой чин
И своё назначенье.

Эти дом стерегут,
Эти тащат добычу
Эти к матке бегут -
Строг и чётког обычай.

Неустанно хлопчутся,
Ходят строго колоннами...
Только мне быть не хочется
Муравьишкой в колонии.

ВКУС ПОЛЫНИ
ТРИ СОЛОМИНКИ

Малыш подставил солнцу спинку,
Как вдруг примчался буревей,
Но на тонюсенькой былинке
Смог удержаться муравей.
 Поблекли осени одежды,
 Зима стучится у дверей...
 Я за соломинку Надежды
 Хватаюсь, словно муравей.
Закат сурово хмурит брови,
Каштан наряд свой износил...
Но за соломинку Любви
Держусь я из последних сил.
 Старуха срок косою мерит –
 Пришла за мной, а не на чай,
 Но негасимым светом Веры
 Горит соломинка-свеча.

НЕЗНАКОМКЕ

Пусть недолго,
 но быть с Вами рядом,
Незнакомым,
 но всё-таки быть.
Одарите загадочным взглядом –
Я его не смогу позабыть.
Мир фантазий
 расплывчато-зыбкий,
В нём реальность,
 как будто во сне.
Подарите на память улыбку,
Чтоб мерцала надеждою мне.
Золотистым струясь водопадом,
Ваши кудри скользят по спине,
Подарите мне локон на память
О любви,
 не подаренной мне.

ОДА ЯБЛОКУ

Рай – для души. А что для тела?
И как понять, зачем рождён?
Земля в безлюдье сиротела,
Ждала своих мужей и жён.

Адам прекрасный плод увидел
(хотел съесть сам – его поймём),
Но всё же Еву не обидел –
И съели яблоко вдвоём.

А может, увидала Ева
(взгляд женщин цепок на своё).
Адам вскарабкался на древо,
Сорвал – и съели плод вдвоём.

Не будем уточнять детали,
Чтоб не порвать событий нить.
Есть факт – из рая их прогнали.
Но яблоко за что винить?

Как много девушек хороших,
Какую выбрать – чтоб жена?
Адаму всё же было проще:
На выбор – женщина одна.

А мы свои терзаем души,
Сомненьем убиваем плоть:
Срываем сливы или груши,
Забыв, что есть волшебный плод.

Сажайте яблони, растите,
Срывайте плод – пришла пора.
И если вместе плод съедите,
То вам семья подарит рай.

Дорогая, не верь зеркалам:
Как бы мастер в трудах ни потел,
Показать они могут нам
Только вид отражённых тел.

Но ни мыслей, ни тайн души
Не раскроет стеклянная твердь.
Отраженья твои хороши...
Всё равно, зеркалам не верь!

Родная, смешно мне твоё беспокойство,
Что кто-то моложе, худее, стройней.
Кого привлекут только кожа да кости?
Ведь мягкие формы приятней втрое.

Напрасно советам подружек внимала,
Терпела диету, бледнела, как мел :
Любимого тела должно быть не мало,
А столько, чтоб взгляд от восторга немел!

Зимний вечер, пасмурен и тучен,
Возле хаты бродит нелюдимо.
Лунный серпик вынырнул из тучи
И плывёт по облачному дыму.
Задремал на мокрой ветке ворон,
Чёрный полог ночи сполз пониже,
Сырость подло заползла за ворот,
Языком холодным спину лижет.
Тороплюсь разжечь огонь в печурке
И ворчу о жизни и погоде.
Язычки огня скользят по чуркам
Начиная песню в дымоходе.
Всё вокруг знакомое до боли,
Этот дом мы создавали сами:
Есть тепло, и хлеб, и мы с тобою,
И любовь, скреплённая годами.
Мы идём по жизненному кругу,
Каждый миг счастливый вспоминая.
Мы вдвоём. И мы нужны друг другу,
Как когда-то в том далёком мае.

На рассвете к окошку горницы
Прилетели ко мне две горлицы.
Посмотрели глазами грустными,
Словно в мире огромном пусто им:
Не зовёт гнездо, не воркуется
И не любитя, не токуется.
Видно, в страшный миг в Лету канули
Две судьбы людей неприкаянных.
Кто же сделал их горемыками,
И за чьи грехи горе мыкают?
Прилетайте вновь, серошее!
Я вам дам зерна в утешение.

Ломаются крылья романтики,
Икары не рвутся ввысь,
А сказочники-обманщики,
Как блохи, сейчас развелись.

Качается жизни маятник,
Швыряя нас вверх и вниз,
А время – судья в чёрной мантии –
Приветствует прагматизм.

Но Млечной Дорогой исстари
Везут чумаченьки соль,
И каждое утро на пристани
Всё ждёт алый парус Ассоль.

Листья падают – что ж в том хорошего? –
Умирает природы краса.
Это старость приходит непрощенно,
Это времени свищет коса.

Дуют осени ветры безжалостно,
Кружат листьев оборванных груз...
Эти признаки обветшалости
Не навеют душе моей грусть.

Я золою не стал ещё серою,
Не размыли тропинок дожди.
И в любовь нашу искренне верую,
Ради этого стоило жить.

В круговерти любви и утрат
Мы искринки храним от костра.

Астры поздние, астры грустные,
Вы ушли, ни о чём не моля...
Не пустынею стала, а пустынью
Опустевшая вдруг земля.

Срок придёт - снова вспыхнет звёздами
Опустевшая благодать.
Астры поздние, осень поздняя,
Не скупитесь надежду подать.

Стирает солнце, оплывая,
Кайму багряного развода.
Луна румяным караваем
Легла на скатерть небосвода.

В объятьях сумрака дорога
Темнеет облаком за хатой,
А день натруженные ноги
Омыл прохладой заката.

Свисают с тына гроздья хмеля,
Сверкает звёзд густая россыпь.
И травы, словно на похмелье,
Пьют жадно утренние росы.

И меркнут ложные кумиры,
И понимаешь сущность счастья -
Быть пусть песчинкой в этом мире,
Но знать, что ты к нему причастен.

ОДУВАНЧИК

Рушит поздняя осень
Золотистый чертог.
Даже наглые осы
Не летят на цветок.

И грустит одуванчик
Под настырным дождём...
Не печалься, мой мальчик,
Мы дожди переждём.

Может, выглянет солнце,
За собою маня –
И весна вдруг вернётся
Для тебя и меня.

Ты и сам, словно солнце.
Так свети, не жалей –
И душа встрепенётся
От улыбки твоей.

Твоего поцелуя
Ждёт унылый пейзаж –
И трава затанцует,
От восторга дрожа.

Мы пощады не просим –
Риск был слишком велик:
Но и в позднюю осень
Всё равно расцвели.

Знаю, не по сезону
Появились цветы:
Им мертвящую зону
Суждено осветить.

ФЕВРАЛЬ

Вновь синоптик соврал:
Где мороз? Бьёт капель!
Ожидали февраль –
А явился апрель.

Чудеса наяву:
Снег в овраг спрятал лес,
А барашки небес
Пьют из луж синеву.

Отряхнулась трава –
Снега нет на бровях,
У потоков – аврал.

Все кричат о весне,
Только я бел, как снег, –
Мне синоптик не врал.

Что было - то пропето
И незачем менять.
Моё уходит лето,
Не радуя меня.

Ты в августе лежало,
Как раненый солдат:
Иссушенная жаром
Закончилась страда.

И поздних трав росточки
Уже не поднялись.
И не рождает почки
До срока жёлтый лист.

Сухими стали лозы,
Земля устала ждать
Не дождь, хотя бы слёзы
Случайного дождя.

Октябрь водой живою
Кропит деревьев медь,
Но кроной молодою
Им вновь не зашуметь.

И всё-таки осталась
В душе надежды весть:
Есть у природы старость,
Но и рождение есть.

И зародятся песни,
В грядущее маня.
И снова жизнь воскреснет
Пусть даже без меня.

Разноцветья покрывало
Разостлал проказник май.
С неба звёздочка упала –
Я в ладонь её поймал.
 Май ласкал травой росистой,
 Небо радугой расшил
 И черёмухой душистой
 Наши головы кружил.
Зрелый август бродит краем,
Звездопадом озарит.
Звёзды, падая, сгорают,
А моя звезда горит.
 Годы-птицы улетают,
 И всё сумрачнее даль,
 Только душу согревает
 Талисман - моя звезда.
За окошком вьюга злая,
На висках февральский снег,
Но звезда - подарок Мая –
И поныне светит мне.

Как всегда, в феврале кто же оттепель ждал?
Тучи хмурые по небу рыскали
И порою роняли слезинки дождя,
Рассыпая алмазными брызгами.

Их беззвучно съедали рты жадные луж,
Сочно чавкало грязное месиво...
Ни мороза, ни вьюги, ни сказочных стуж...
Что ж ты, зимушка, накуралесила?!

Снова мне улыбается май,
Подарив ароматы акаций.
И опять отступает зима –
Ну куда ей с весною тягаться?!
 А стрела и не в глаз, и не в бровь,
 А прямёхонько в глупое сердце.
 И волшебная птица-любовь
 Прокурлькала звёздное скерцо.
Над тобою кружить бы орлом,
Отшвырнув лет удушливый полог.
Только ты – птицы счастья крыло,
Только ты – звёздной юности сполох.

Лист багрянцевый с ветки сорвался,
Под порывами ветра дрожа,
И кружится, скользя в ритме вальса
По расстроенным струнам дождя.
 За расхристанной дымкою где-то
 Клин прощальный уплыл далеко...
 И стучат, и стучат кастаньеты –
 Поздней осени грустный аккорд.
Мокрый ворон бредёт неуклюже –
Спутник мой без надежд и сумы.
И кривляется в зеркале лужи
Лик коварный грядущей зимы.
 Молча плачет оконная рама,
 Рвётся клочьями дым из трубы.
 А мой след исчезает упрямо
 На дороге размытой судьбы.
Пасть осенняя хищно разверста
И глотает версту за верстой...
Но мне слышится звон благовеста
Сквозь струны оборвавшейся стон.

Тлеют дрова в мангале,
Съеден давно шашлык...
Годы мне предлагают
Старости скорбный лик.

Плакаться не пристало,
Горечь вином залью
И ворошу устало
Гаснущих искр салют.

В горсть собираю искры,
Сыплю к твоим ногам:
Нам не хватило истин –
Может, надежду дам.

Лучше сгореть на взлёте,
Жизненный путь свершив...
Ну а потом нальёте
За упокой души.

Только не надо тризны –
Проку в пустых речах?
Слёз непролитых брызги
Не заблестят в очах.

Расколоса судьбы моей перстень.
Больше вам не хочу докучать:
Отзвучав лебединою песней,
Растворюсь в предрассветных лучах.

Но, оставив небесные дроги,
Покорённый земной красотой,
Упаду у родного порога
Зимним снегом и летней росой.

И, проснувшись от утренней неги,
Ощувтив пробуждения дрожь,
Ты услышишь меня в скрипе снега,
Ты в росе поцелуй мой найдёшь.

В стылом жаре сверкну вдруг искринкой,
Прогоню птичьим щебетом грусть
И молочную струйкой из кринки
Губ твоих осторожно коснусь.

Не встревожу и не помешаю –
Я обратных путей не ищу:
Просто, плечи укрыв майской шалью,
Первый наш поцелуй возвращу.

ЦВЕТУТ КАШТАНЫ

Цветут каштаны в октябре*,
Цветут каштаны –
И даже осень на дворе
Им не мешает.

И стрелки дней шагнули вспять,
Весна вернулась,
Как будто молодость опять
Нам улыбнулась.

И вереница долгих лет
Исчезла где-то.
Нет, не туман – каштана цвет
Кружит планету.

Ещё не скоро холода,
Ещё не вечер.
И освещают наш алтарь
Каштанов свечи.

Пусть говорят: осенний бред –
Молва отстанет.
Цветут каштаны в октябре,
Цветут каштаны...

**Такой феномен был в октябре 2012 г.*

Уснувших под штилем
Струящихся риз
Коснулся учтивым
Дыханием бриз.

Лазурную гриву
Качнул невесом –
И волны игриво
Щекочут песок.

Взаимности верой
Себя окрылив,
Заждавшийся берег
Целует прилив.

С изумрудной чёлкой,
От веснушек рыжий,
Майский дождь чечётку
Танцевал на крыше.

По асфальту бегал,
Прыгал по газонам
И прохладной негой
Воздух проозонил.

Как ребёнок, весел,
Дерзок и раскован,
К тополям подвесил
Радуги подкову.

По листве пролился,
Рассмеялся громом
И на тучке скрылся
За соседним домом.

Сдвинув тучек ветошь,
Тих и осторожен,
Выглянул с рассветом
Золотистый ёжик.

Лучики-иголки
Выставив пригоже,
От прохлады колкий
Прикоснулся к коже.

Заскользил по гривам
Лугового ситца,
Щекотнул игриво
У сосны ресницы.

Вспыхнул, заискрился
Росным перламутром –
И за тучкой скрылся,
Подарив нам утро.

Пусть на юность вето
Наложила Осень,
Мне б вернуться в Лето
Ёжиком курносим.

С Т О Г А

Ночи звёздные россыпи
Тают в ранней заре;
Отягчённые росами,
Ждут луга косарей.

Никнут травы под косами,
Жизнь у них недолга –
И рождаются покосами
Молодые стога.

По тропинке вдоль берега,
По траве луговой
На свидание бегали –
Был такой уговор.

Соскользнул лентой алою
Догоревший закат.
С неба звёздочки падают,
Их колышет река...

За далёкими хатами
Месяц выткнул рога,
Свежих трав ароматами
Нас встречают стога...

Те денёчки растаяли,
Как туманы с лугов,
Но на память оставили
Запах юных стогов.

НА КРЕЩЕНИЕ

В облезлый лес
уставший день
Проковылял
по грязным лужам.
Промозглой слякотью
простужен,
Вползает вечер
на плетень.

Подслеповато смотрит
хата,
Дровами влажными
дымя.
И месяц,
жёлтый и горбатый,
Присел погреться
на дымарь.

Едва белеют
снега латки.
И небо,
робко и украдкой,
Роняет
бисера янтарь,

Прося как будто бы
прощенье...
До нитки взмокнув
на Крещение,
Стоит
растерянный январь

СТАРОСТЬ

Старость бредёт устало,
Радовать душу нечем.
Небо тоскливо упало
Ей на худые плечи.

Ветер – в глаза ей едко,
Годы ей спину горбят.
Радости крохи – редко,
Как подаянье в торбу.

Тупо в висок стучится
Память – упрямый дятел.
Скрыты туманом лица,
Смыты дождями даты.

Май унесло ветрами,
Август засох в покосах...
Стала дорога к храму
Долгим путём к погосту.

Старость бредёт с сумою
В ночь из седого вечера...
Худо, когда зимою
Даже и вспомнить нечего.

НА ОСИ БЫТИЯ

Осень поздняя гостьей непрошенной
Заявилась ко мне на постой.
Барабанят дождинок горошины,
Словно жертву проводят сквозь строй.
 И листва, увяданьем сожжённая,
 Павшей ратью лежит у дверей.
 Время смеет безжалостным жёрновом
 Всё, чему срок пришёл умереть.
В этом правда и мудрость Всевышнего
И вселенской души благодать:
Мы осыплемся спелыми вишнями,
Чтобы жизни грядущему дать.
 А потом будет всё, как и ранее:
 Взлёт души и реальности яд.
 От рождения до умирания –
 Фаза вечности у Бытия.

Ночь. Безлунье. Даже шорохи
Где-то спрятались в кустах.
И уселись думы-сполохи,
Как вороны на крестах.
 Кредиторами настырными
 Ждут расчёта по долгам.
 Безнадёжная, постылая
 Ночь бессонная долга.
Не спешите, твари злобные,
Счёт вести моим годам.
Поднимусь на место лобное –
Вот тогда долги отдам.
 Рассчитаюсь полной мерою
 (не умом – душой прозря)
 И за то, во что я верую,
 И во что не верил зря.

Было время – и страх, и дрожь
Приносила ордынцев рать...
Так, по сговору с ветром, дождь
Всё, что может, спешит содрать.

Ободрали, как липку, дуб
(ни листка, чтобы срам прикрыть)
И хоть дуб – не слабак, не туп –
Гол стоит. А кого винить?

Даже ловкий и хитрый хмель
Грустно свесил усы и чуб:
Рвался ввысь, был красив и смел –
Только схватка не по плечу.

Осень словно сошла с ума:
Рвёт живую природы плоть.
Белый саван несёт зима,
Забирая души тепло.

Поломается ветвь одна,
А сплетаются – не согнёшь.
На миру даже смерть красна,
Если знаешь, за что умрёшь.

Мне точно в срок,
Как упрямый дятел,
Стучит в висок
Роковая дата.

Был страшный зной
В день шестой июня,
А смерть – зимой
В душу мне дохнула...

Консервную банку своих мозгов
Вскрываю, ведь что-то же в них осталось:
Всеобщий любимец, а не изгой –
И незачем брать в оправдание старость.

Он верил, он что-то хотел сказать.
Упал. Молча ждал – а его не подняли...
И смотрят с укором мне в душу глаза,
Последнюю просьбу которых не поняли.

Ломается сил истощённых лоза,
Взрывается мир на судьбы фугасе –
И гаснет последняя искра в глазах...
Уж лучше бы мне самому угаснуть.

Ушёл... И уже не воротить назад...
По травам стекает росинка-слеза.

Р А С Ч Ё Т

Чёрен, уныл
Чёрной луны
Глаз.
Чёрный поток
Тьмой обволок
Нас.

Ночь так черна,
Что не видна
Тень.
Чёрный рассвет
Чёрный льёт свет
В день.

Чёрный от лжи
Чёрным лежит
Прах.
В чёрный пролом
Чёрным крылом –
Страх.

В чёрной земле
Чёрный во мгле
Червь.
Чёрной душе
Служит уже
Чернь.

Воры – в закон,
Чёрный ждёт кон:
Нечет иль чёт?
И по грехам
Выпадет нам
Чёрный расчёт.

Мы с тобой – пятаки на сдачу,
И запас их довольно беден:
Каждый прожитый день – удача,
Каждый прожитый год – победа.
Только мы не считаем годы
Да в стихах о любви воркуем.
Руки держат, а ноги ходят –
Значит, мы ещё повоюем.
А на старость наложим вето,
Продадим, проиграем в карты!
Пусть же наши с тобой рассветы
Не спешат перейти в закаты.

Облетели, как пух, одуванчики,
Хризантемы давно отцвели...
И давно мы с тобою не мальчики
На дорогах, что вместе свели.
Расходились, сходились дороженьки
Да и свились в одну, для души.
Мы шагаем по ней осторожно, как,
Так как некуда больше спешить.
И уже не нужны наши знания,
У чужих не согреться костров.
Только тёплые воспоминания
Согревают у старости кровь.
Собираем цветы поздних радостей,
Наши дни безмятежно тихи,
На волне молодечества шалостей
Посвящаем любимым стихи.
Мы верны Вам и ныне, как ранее,
У любви не исчерпан лимит.
Это Вашим, родные, старанием
Мы и живы, и счастливы мы.

НА ОСИ БЫТИЯ

То теплеет, то вьюжится...
Где искать? Где терять?
И душа моя кружится
На оси бытия.

Ты, судьба моя глупая,
Не шуми, не кричи:
Правды тропку нащупал я
Даже в чёрной ночи.

Я собой её выстелил –
Пусть другие идут.
И в затылок не выстрелил
Никому из иуд.

Всё надеялся – к лучшему
Переменится мир,
Но трясёт нас падучею
Каждый новый кумир.

Бродит осень печальная,
Плачет листьями клён...
А надежды и чаянья
Ветер сдул под уклон.

ВОЛКИ

Бредём волками-одиночками
В обездороженной судьбе.
Удача редко смотрит в очи нам,
И праздник – если есть обед.
 Пёс на цепи, но рад как будто он
 То миске шей, то калачу,
 Гордится персональной будкою...
 Но цепь за жрачку – не хочу!
Мы были битыми, убитыми,
Пугал и злил наш смелый вой,
Но нас не сделать псами сытыми –
Ведём мы стаи за собой.
 Растите тучными баранами –
 Есть в этом для скотов резон.
 Но только поздно или рано мы
 Баранов жирных загрызём.

ЧЕРТОПОЛОХ

Поутру, как всегда,
Вышел я на порог.
Глядь – ну что за беда? –
Лезет чертополох
 Да ещё не один,
 За спиною братва.
- Ты куда, господин?
 Не отломится вам!
А они мне в глаза
Так нахально сычат:
- Это что за базар?
Разберёмся сейчас.

И уже, Боже ж мой,
Во дворе у меня
Поднимается строй
Чертополохонят.

Только я не дурак
(ну, когда не “косой”) –
Не иду просто так,
А с подружкой-косой.

Да не с пьяной, а с той,
Что кошу бурьяны.
Тут уж брага – в отстой,
Если рвутся штаны.

Размахнулось плечо –
И запела коса:
- Подходи, кто ещё
Захотел по усам?!

А с косой разговор
Краток: взджик – и полёт
Претендент на мой двор –
Наглый чертополох.

Но тревожит меня
Мысль (и, видно, не зря):
Ну, а вдруг от корня
Прорастёт эта дрянь?!

Нечестивую рать
С корнем надо бы рвать...

P.S. Дела у нас совсем не плохи,
Да только прут чертополохи.

ПРАВДА СТЕРНИ

Было цветущее, яркое, сладкое,
Но отсверкали, ушли медоносы.
Осень морщинится жёлтыми складками
Жёсткой стерни от прошедших покосов...
 Всё, что посеяли, – выросло, вызрело,
 Сжато по срокам, вывозят колонны...
 Но рассказала б стерня то, что видела, –
 Душу бы правдой она исколола.
Мы понадеялись – будем хозяевами:
Взять урожай максимальный старались.
Но обманули коварными займами:
Отдали всё – и с долгами остались.
 Бизнес открытый поймём и оценим мы,
 Только не подлый, коварный и лживый.
 Манипулируют трейдеры ценами:
 Кто-то жиреет. А мы? Еле живы.
Эй, господа и прислужники рьяные,
Вспомните: было ой как горячо вам!
Если в раба превратите крестьянина,
Вновь ожидайте приход Пугачова.

РАКИ

Рассветным зябким утром
К реке бежим оравой,
И росным перламутром
Нам ноги студят травы.

Парной туман клубится,
Как будто дым из печи.
Стоят осоки спицы,
Как ратники на вече.

Спускаемся у камня
В тепло живого лона
И сторожко руками
По норам раков ловим.

Костёр. Ведро. В нём раки –
Наш немудрёный завтрак.
Плетём друг другу враки,
Не думая о завтра.

Встаёт рассвет багрово,
Нахмурил тучи запад.
И терпкий запах крови
Вплеснулся в дыма запах.

Мы все – войны подранки:
В кровавом смертном гуле
Был гусеницей танка
Раздавлен детства улей.

Пришли мы через годы
К реке. Куда ей деться?
Здесь где-то раки бродят
Осколками из детства.

ПОДРАНКИ

Кто-то выдумал пошлую
Кличку “дети войны”.
Мы ещё помним прошлое,
Хоть рубцы не видны.

Все мы родом из детства,
И не наша вина,
Что на нём болью сердца
Расписалась война.

На дорогах походных
Голодуха да вошь –
Эти горькие годы
Детством не назовёшь.

Ребятишки да вдовы,
За плечами беда...
Кто-то ел хлеба вдоволь?
Нас спасла лебеда.

Мы на хрупкие плечи
Взяли беды страны.
Каждый горем помечен.
Мы – подранки войны.

АКАЦИИ

Может, это весенняя акция,
Чтобы мы потеряли голову? –
Подвенечные платья акации
Надевают на ветви голые.

Грозди белые треплются ветрами...
Вы попробуйте их, советую:
В детстве были для нас конфетами
Сладковатые эти соцветия.

Как слова ненаписанной повести,
Осыпаются, кружат порошею...
Почему-то немножко совестно
Мне ступать в это дивное крошево.

Пусть бегут за деньгами, за славою
Пробивные, шальные, бедовые –
В круговерти акаций плаваю,
Ароматы их пью медовые.

Мало...Мало... А много ли нужно нам?
Белый цвет – как небес откровения.
Заблужусь в этом сказочном кружеве,
Чтобы счастья продлить мгновения.

Я за строгую логику ратую,
Но, в акаций попав хороводы,
Возвращаюсь опять в невозвратное
Вопреки всем законам природы.

Я, как и все,
 понятный и простой:
Никем не куплен,
 и никем не продан.
Но, в мир придя
 почти что сиротой,
Хочу уйти,
 как основатель рода.
Не верю я,
 что мой проигран бой.
Надеюсь,
 что когда-нибудь случится –
И понесут
 и внук, и правнук мой
Моей души
 заветную частицу.
А если нет,
 то в этом мире лжи
Зачем я был
 и для чего я жил?

Вы знаете, как это здорово –
Иметь замечательных внуков?
И небо от счастья лазорево,
И солнцу не нужно аукать.
 Оно золотистым подсолнухом
 Красуется на небосводе.
 А ночью луна полусонная
 Со звёздами хороводит.
И кажется: вся Вселенная
Со мною спешит породниться.
И падают в землю нетленную,
Как зёрна, небес зарницы.

Не храните в душе обиды,
Не скрывайтесь за дверью молчания:
Светлых чувств и надежд обитель
Превратится в тюрьму отчаянья.

И уже не спастись побегом
И бессмысленно ждать амнистию:
Захирели, завяли побеги
Под потоком обид неистовых.

И становится жизнь постылой,
И чернеет душа для мщенья...
И уже нехватает силы
Попросить друг у друга прощенье.

Пролилась где-то тучка слезой,
Ветерок обессиленно замер...
Что ни день – то прогнозы с грозой,
Но гроза провалила экзамен.

Тридцать пять. Беспощадно жара
Жадной пьювкой сосёт жизни соки,
Воздух зноен, он даже с утра
Из волокон разжаренных соткан...

В бубен бей, прорицатель-шаман!
Раскрываем и души, и двери...
Мы готовы поверить в обман –
Просто, в лучшее хочется верить.

ФАЛЬШИВЫЕ РИЗЫ

Явилась прекрасная дева,
Дождями надежды омыта,
Над ликом – венец королевы,
И золотом платье расшито.

Ей ветры легенды слагали,
Литаврами листья звенели,
Наивные травы стогами
Легли бы, да лечь не сумели.

Вдруг Осени пышное платье
Подпортил коварный Морозко:
Пожухла листва, как расплата
За сказки недолгую роскошь.

Опали золотые наряды,
Их времени ветер развеял.
И голые ветви не рады,
Что жили, обману поверя,

Что силы все отдали кроне,
Совсем не заботясь плодами,
И зёрна уже не уронят,
Чтоб новую поросль дали.

И падают в грязные лужи
Прекрасно-фальшивые ризы.
А ветер оплакал недужно
Надежд несвершившихся тризну.

В серости буден
Плакало небо.
Жаждали люди
Зрелищ и хлеба.

Ложь всех уела
Холодом стылым:
Всё надоело,
Всё опостыло.

Бросились дружно,
Хлопали двери.
Каждому нужно
В лучшее верить.

Рай обещали,
В колокол били...
Пусть обнищали –
Зрелища были!

Ловко, со знаньем
Вяжут картинно
Наше сознание
Кляtv паутиной.

Смотрим с опаской,
Не ошибиться б:
Новые маски –
Старые лица.

Но не созрели,
Веруем в лепет...
Хочется зрелищ
Даже без хлеба!

9 МАЯ

Как всегда, я пришёл на валы,
Хоть и дождик наметился вроде.
А народ всё валит и валит:
Видно, память осталась в народе.

Ветеранов почти не найду.
Где они? Может, их прозевал я?
Гордо шествуют в первом ряду
Нашей нынешней жизни хозяйва.

Я кладу на могилу цветы.
Скорьби боль разрывает жилы:
Смерть бестрепетно принял ты,
Чтобы мы в мире мудро жили.

День сегодняшний трудно хвалить.
Пред собой оправдаться нечем:
Вас фашизм не сумел свалить –
Нас свалила другая нечисть.

Перепишут историю лет,
Над неправдою правды потея...
Кто потомкам даст честный ответ
За “геройские” наши потери?!

Вы о чём загрустили? Полноте.
Лучше нас молодыми вспомните
В те далёкие шестидесятые:

Первой оттепели десантами
Мы врывались стихом и песнею
В серость жизни тоскливо-пресную.

Нам казалось, что вот оно, дожили –
А попали под нож бульдозера.

Всё равно там, где трудно – там рядом мы:
Штурмовали тайгу стройотрядами;

Пацаны, не герои былинные,
Поднимали просторы целинные

И заветную ветку БАМа
В мерзлоте прогрызали зубами.

Жить, считали, лишь так и стоило –
Мы творили страны историю.

ЗОНА ЗЕМЛИ

Миллиарды лет прожила,
А теперь на себя же сетуй:
На мгновение слабину дала –
И попалась в мобильные сети.

Бьёшься рыбой о Космоса лёд,
Всё надеешься: может, услышат?
Только кто же тебя поймёт
В диком писке компьютерной мыши?

Рвётся сетка магнитных дуг,
Прорывается ткань озона...
Задрожав, понимаешь вдруг:
Ты уже не свободна, а в зоне.

Ты веками страдала от ран,
Всё терпела, хоть было не просто,
Но когда переступим мы грань,
В миг избавишь себя от коросты...

И начнёшь безнадёжную акцию –
Строить новую цивилизацию.

ТАЛАНТ

Талант в своём искусстве – Цезарь:
Не знает возрастного ценза,
Ему и в семьдесят, бывало,
Земли и неба нехватало.

И нет понятий “поздно”, “рано” –
Пусть одиозен и смешон –
Его душа открытой раной
Болит за всё, что видит он.

Казалось бы, на ладан дышит,
Но он - творец, а не палач,
И только он способен слышать
И пенье трав, и зверя плач.

Его творенья – как молебен:
Вы вслушайтесь в звучанье нот –
И он вам крылья даст, чтоб небо
Легло звездой у ваших ног.

Он быть не может в мире лишним,
Себе не просит ничего...
Но нежеланием услышать
Вы убиваете его.

ГОЛГОФА

“Каждый должен свой крест нести.
Он сгибает не душу, а спину.
Но легко ль на Голгофу взойти,
Даже будучи Божьим сыном?
Я взошёл. Но меня Ты спас,
Чтобы вывел я из Содома
Этот люд. Лучше б коз я пас
Без забот, у родного дома.
Ты звездой из созвездья Креста
Появленье моё отметил.
Так зачем из меня Христа
Люди сделали после смерти?
Ничего не желая менять,
Только множат порок и скверну:
Утверждают, что верят в Меня,
Но в Тебя потеряли веру.
Я не Бог. Я всего лишь Сын,
Твой Посланник и Предосторога.
Для иуд мне не хватит осин,
Чтоб Твою оградить дорогу.
Зло во имя Христа вершат
И хотят, чтоб я дал прощенье.
Кровью плачет моя душа.
Ты скажи, провинился чем я?
И зачем я свой крест несу?
Разве был я для муки создан?”
Вырывает, рыдая, Исус
Из креста нами вбитые гвозди.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

(притча)

Людам мало воды и хлеба,
Солнца – днём, звездопада – ночью.
Захотели залезть на небо,
Чтобы Бога узреть воочью.
И решили воздвигнуть башню:
Камня много – построить смогут.
Забираться на небо страшно,
Но ведь люди – почти что боги.
Закипела работа жарко,
Согласованно и без споров.
Ни раствора, ни камня не жалко,
Поднимается башня споро.
И уже облака под ними
Пролетают пушистым роем...
Вдруг беда: камень кто поднимет –
Всяк по-своему хочет строить.
Труд такой без ножа зарежет:
Все орут, оскорбленья, ругань.
Хоть язык и остался прежним,
Но не могут понять друг друга.
Эгоизм затыкает уши,
А упрямство “срывает крышу”:
Лишь себя каждый хочет слушать,
А других не желает слышать.
Только шепчет душа несмело:
“Башня в небо – не та дорога.
Совершенствуйте душу и тело –
Может быть, и познаете Бога”.
Но настырны мы и упрямы:
С тех библейских времён и поныне
Разрушаются веры храмы –
Воздвигаются башни гордыни.
Мы сожнём только то, что сеем,
Оросив своим потом пашню...
Но стоят на пути к спасенью
Наших дел вавилонские башни.

БАЛЛАДА О МЛЕЧНОМ ПУТИ

*“А Млечный Путь из молока?”-
Спросил малыш у старика.*

Хозяйка ей вымыла вымя водой,
Тряпицею вытерла белой,
В подойник проворно сцедила удой,
Печально в глаза поглядела,
Прижалась губами к шершавому лбу,
В ресницах блеснула слезинка –
И вдруг заспешила из хлева в избу,
Глаза вытирая косынкой.

Хозяин зашёл. Ничего не сказал.
То снял, то надел снова шапку.
Завёл на машину, к бортам привязал,
Дал свежего сена охапку.
А солнце, порвав розоватый рукав,
Зажгло изумрудами росы,
И в невод незримый ловила река
Лучей золотистую россыпь.

И вспомнилось ей, что вот так же давно
Её, молодую двухлетку,
К быку повезли. Он стоял за гумном
В надёжном станке, словно в клетке.
Призывно мычал, рвал упрямо ремни
Красавец особой породы.
Боялась, но всё-таки встала пред ним,
Покорная зову природы.

Дорога до дома струилась в лугах,
И солнце резвилось в зените,
А ветер-проказник надел на рога

Фату из серебряных нитей.
Хозяйка встречала её у ворот:
Косынкой приветливо машет
И гладит по шее, и к хлеву ведёт:
“Ты, Зорька, кормилица наша”.

Скреблась за стеною упрямая мышь,
Декабрь снегом улицу вымел,
Когда родился её первый малыш
И жизнью наполнилось вымя.
Соски подставляла – пусть маленький пьёт,
Кормила помногу и часто.
И полнилось радостью сердце её
(как мало нам нужно для счастья).
Когда же впервые с ним вышла во двор,
На выпавший снег неглубокий,
Он мелко дрожал и вертел головой,
И тыкался носиком в бок ей.
Другие телята припомнились ей,
Рожала, пока были силы.
Все дочки – при стаде, а вот сыновей
Куда-то вот так увозили...

Прохладное утро сменила жара,
В пыли отзмеилась дорога.
И хмурый хозяин промолвил: “Пора.
Приехали, Зорюшка, трогай”.

Сошла по настилу. В сознание неслось
Былое, круша километры...
И запах почуяла крови и слёз,
Но запах не жизни, а смерти.

“Вернись!”- ей кричала трава на лугах.
“Вернись” – звал телёнок-подросток.
И всё поняла...Но, потупив рога,
Шагнула на скользкие доски.

И вся её жизнь унеслась далеко,
Туда, к поднебесному зову.
А с вымени капнуло вдруг молоко
Последней прощальной слезою.

Уснула Земля, скрыв морщины лица
Под звёздным ночным одеялом.
И лишь на мгновение в Созвездье Тельца
Вдруг ярко звезда засияла...

26.09.2012 г.

КРИВОЕ В ЗЕРКАЛЕ

Что-то лучше,
Что-то хуже,
Что-то толще,
Что-то уже.
Повелось так исстари:
Нет шаблона истины.
Всё в мире относительно –
И это подозрительно:
А вдруг нас отнесут
В искривленную суть?!
Так что же я искал
В Стране Кривых Зеркал?
Найдём там ты и я
Осколки бытия.

Если место голое,
Не прикроешь квачиком:
Стали наши головы
Сдутым одуванчиком.

Подружились с грелкою,
Животы – арбузики,
Устремленья – мелкие,
А желанья – узеньки.

Но ещё чирикаем
Под осенним дождиком
И тайком хихикаем:
Хорошо, что дожили!

Не спешите к старости
Отнестись с усмешкою:
Возрастные странности
К вам придут, не мешкая.

Не пугайтесь истины:
Не уйти от зрелости –
Даже и без лысины
Ждут вас эти прелести.

Приходу поздней осени не рад
Раздетый лес. Простыв, дрожат осинки.
Ветра сорвали красочный наряд.
Роняет голый клён дождя слезинки.
 Без снега чем укрыться на ветру
 Крутым ветвям и слабому росточку?
 Вот так и мы, утратив мишуру,
 Хотим прикрыться фиговым листочком.

Послушен малыш, не послушен –
Над каждым – сияния нимб.
Как искренни детские души !
Как время безжалостно к ним.
 Каким вдохновения светом
 Сияют мальчишек глаза,
 Но гасит сияние это
 Жестокая жизни гроза.
Зерно доброты бросим в сердце –
Дай Бог, чтоб оно проросло...
В мороз можно где-то согреться,
Но как не растратить тепло?

Кто пишет трезво, кто по пьянке –
Не важно: много, мало лет –
Но каждый сам поставил планку,
Стремясь её преодолеть.

Не с той ноги, бывает, начал
И не взлетел поверх голов,
Пускай сегодня неудача,
Но ты решил – и ты готов
Искать, терзаться, злиться, рыскать,
Метаться в поисках пути...

А можно без труда, без риска
Под планкой просто проползти
И, взяв у классиков цитаты,
Украстить ими жалкий стих,
Едва с трудом осилив старты,
Считать, что финиша достиг,
И, накропав книжонок массу,
Воссесть на собственном Парнасе.

АЛКАШГАРДИСТАМ

Опять ударился в запой,
В нём он – Стаханов.
Берёт дрожащею рукой
Стекло стакана,
Зубами клацает о край,
В рот влага льётся,
Ещё мгновение – и в рай
Душа прорвётся.

И снова может он творить,
Колдуя словом...
Прочтём – и будем говорить:
Как это ново!

ПРЕДОСТОРОГА

У нас с рожденья
И всю дорогу
Щит заблужденьям –
Предосторога.

В жизни бывает
Сложностей много –
Нас выручает
Предосторога.

Даль завлекает
Травами лога –
Но не пускает
Предосторога.

Вижу я, шальный,
Стройные ноги –
Но помешала
Предосторога.

Звал в ночь по росам
Месяц двурогий –
Взвыла барбосом
Предосторога.

Мне бы девчонку
Встретить у стога –
Вгрызлась в печёнку
Предосторога.

Словно на цепь я
Взят у порога –
Всё по рецептам
Предостороги.

Мне б сигарету,
Пивца б немного –
Всё под запретом
Предостороги.

“Кто выпивает –
Вытянет ноги!” –
Предупреждает
Предосторога.

Гнал бы что силы
Всякую погань,
Но запретила
Предосторога.

Страсти и счастье –
Трупом на дрогах
Не без участия
Предостороги.

Но не хочу я
Жить, как в остроге –
К чёрту пошлю я
Предосторогу!

РУЛЕТКА

Двигается стрелка,
Шарик – по кругу.
Жизни рулетка –
Наша подруга.

Ищем удачу
В цифрах и цвете –
Так иль иначе
Всё сдует ветер.

Горечь во вскрике –
Выбор не точен.
Знали бы прикуп –
Жили бы в Сочи.

Крутим упорно
Жизни рулетку:
Мимо – бесспорно,
Выйгрыш – редко.

Всё, без остатка –
В долг, под заставу...
Делайте ставки! –
Нечего ставить...

И Д У

Мы слышим часто,
До неприличия:
Не в деньгах счастье,
А в их количестве.

Звонят монетой
Скопцы блудливые:
Скупить планету –
И стать счастливыми.

Я в зной и ливень
Живу на зависть вам:
Уснул счастливый –
Проснулся радостный.

Играет гаммы
Ветрами осень мне,
А под ногами
Алмазы росами.

Сорю стихами,
Как цветом вишни,
А вы - деньгами
В людской кровище.

Иду, шагами
Планету двигая.
Вот так же сами
Смогли бы? Фигу вам!

У полей состригли
 золотые кудри.
Скирды, словно хатки,
 выстроились в ряд.
Августовской пылью
 носик свой припудрив,
Надевает Осень
 праздничный наряд.
Собраны на нивах
 щедрые подарки,
Кони бьют копытом,
 не желая ждать...
Но, плоды присвоив,
 Караси, Одарки
На базаре бойко
 будут торговать,
Упрекая Осень
 за её богатство:
Коль всего с избытком,
 цены не поднять.
Не печалься, Осень!
 Рыночному братству,
Что такое щедрость,
 просто не понять.
В даль смотрю с надеждой,
 пью твой терпкий воздух,
Золото резное
 на ладонь ловлю...
Разве для наживы
 этот мир был создан?
Бескорыстно, Осень,
 я тебя люблю!

Упал рассвет созревшей вишней,
Зазолотилась даль овсом...
Во двор старушки бодро вышли
Поговорить о том - о сём.
 Прочистят пёрышки соседке
 От гребешка и до хвоста.
 Что хочешь, сплетницы-наседки
 Готовы целый день квохтать.
То к небу вознесутся взоры,
То в споре скрестятся мечи...
Жаль, нет лекарств, чтоб эти хвори
У наших бабок излечить.
 Вот так и в Раде депутаты
 Дерутся, спорят – дыбом шерсть.
 У каждого ума палата.
 Жаль, что “Палата номер шесть”.

Сорок лет Моисей
Вёл народ по пустыне,
Чтобы стало для всех
Мясо в рабстве постылым.
 И пустыни здесь нет,
 Не видать Моисея.
 Двадцать лет по стране
 Водят нас фарисеи.
Набиваем зобы
Чем попало под старость.
Мяса вкус позабыт,
Но свобода осталась!
 “Крепнут наши ряды...”
 “И едины все классы...”
Мы тризубом горды!
Но...так хочется мяса.

Где такое раньше было?
Не поверил бы никто:
За баранкой поп-бомбила,
Да не в рясе, а в пальто.

Службу справил – и в такси.
Это ж, Господи, спаси!

Видно, люди мало платят.
Да, парниша, ты попал:
На одну прожить зарплату
Трудно даже для попа.

Пассажиры – весь приход –
Множат батюшке доход.
Есть клиент – момент лови.
Господи, благослови!

МИШУРА

Краса былая, где ты?
Колдует время-бес –
И, в золото одетый,
Нищает скорбно лес.

Умолкло пенье птичье,
Осиротел чертог,
А мишура величья
Лежит у голых ног.

Не греет, только светит
Уже не знойный блин.
И прощельга-ветер
Унёс последний клин.

Суровым серым платом
Укрылся небосвод –
Печальная расплата
За пышный хоровод.

Оранжевого тона
Растаял блеск лихой.
Природа по законам
Вершит извечный ход.

А мы рвём жизни корни,
Бросаем всё на кон...
И только вор в законе
Ещё блюдёт закон.

Их ряды не поредеют:
Депутатов мощный сплав
День и ночь о нас радеет,
Недоев и недоспав.
Ими мы должны гордиться,
Хоть монеты с них чекань!
Узнаём родные лица
Мы с затылка по щекам.
Тяжек труд их. И при этом
Быть здоровыми хотят.
Так садитесь на диету –
На зарплату работяг!

ПРАВОСУДИЕ

Покой на Олимпе закончился.
Молва разнеслась повсеместно:
Фемида творит, что захочется,
Судить перестала честно.
Решенья выносит ложные,
Блюда лишь одно из правил;
Кто больше мзды в чашу положит ей –
Того и признает правым.
И боги снуют озабоченно,
Шерстят кандидатов воров:
Судью не найдёшь на обочине,
Чтоб умный – и не был вором.
Хотели, зовя и аукая,
Достичь в правосудье порядка,
Но даже Венера безрукая
Найдёт, где припрятать взятку.
Нигде не отыщешь небыли –
И боги поникли в уныньи...
А что правосудье? Как не было,
Так нет его и поныне.

Как парусник
 без ветерка,
Как каменщик
 без мастерка,
Как живописец
 без палитры,
Как алкоголик
 без пол-литры,
Как снукеристы
 без бильярда,
Как олигарх
 без миллиарда,
Как презентация
 без пьянки,
Так наша власть
 без Евробанка.

Говорят, среди врачей
Вы не встретите рвачей.
Только я встречал навалом
И врачей, и коновалов.
 Коль не можешь дать “на лапу”,
 И не суйся к эскулапам.
Ведь они у “братчиков”
Научились ловко
И “растить кабанчика”,
И “доить коровку”.
 Если денежек не хило,
 Вас пролечат до могилы
 И дорожечку проторят
 В похоронную контору.
Там давно работать рады
У врачей на субподряде.

Баварскою колбаскою
Запахло за бугром.
К ней отношусь с опаскою –
Зачем туда мы прём?

Не отлетят окалиной
Мой дом, мои друзья:
Я к ним душой припаянный –
И оторвать нельзя.

Не стану хлам донашивать,
Топтать чужую весь...
А колбаса домашняя
У нас получше есть!

Грустя, бродил я в райских кущах:
Без вкуса пища и вода...
Конечно, ты хотел – как лучше,
А получилось – как всегда.

Хихикал Змий, ползя по древу,
На ветке зрел запретный плод...
Ты взял ребро и создал Еву –
И в мир впустил Добро и Зло.

Орлы взлетят до облаков мохнатых,
Перо уронят, а не горсть помёта.
Ворона тоже родом из пернатых,
Но птица невысокого полёта.

Чтоб петь, уж тут, дружок, - шалишь,
Но каркать ей не запретишь:
Привольно этой братии
В эпоху дерьмократии.

РЕЦЕПТ ЗДОРОВЬЯ

(по рекламе)

Чтоб дух хранить здоровым в теле,
Вот вам рецепты на неделю:

По понедельникам – горох,
Во вторник – боб совсем не плох,
По средам – лучше кукурузу,
В четверг – фасоль едим от пуза,
По пятницам – ешь чечевицу,
В субботу – соя пригодится,
Смешав остатки в день седьмой,
Их доедайте в выходной.

Вы по рецептам нашим ели –
И дух был “стойким” всю неделю.

С Т Р О Ф Ы

Я думал –
цензура давно позабыта,
Но снова –
колпак и знакомые уши:
“Бичуйте пороки
на уровне быта –
И юмор ваш
будет к печати допущен”.

У юмориста
скромный вид.
Не верь ему –
он ядовит
И даже в дружескую чару
Вольёт по капле
яд анчара.

Есть демократия
во всём,
свобода в действиях
и спорах –
Теперь мы в книжках
издаём
То, что писали
на заборах.

Постоянный
 в непостоянстве –
Переменчивым
 он состоялся:
Тщетно штопает
 жизни прогалины
И, судьбу свою
 горько коря,
Заплывает
 в ненужные гавани,
Обрывая потом якоря.

Не спеши
 проклинать вчера,
Не спеши
 восхвалять сегодня:
Ведь бывает
 такая пора,
Что дай Бог нам
 дожить до полдня.
Так не будем
 наивно доверчивы –
И, возможно,
 дотянем до вечера.

Стыдно насиловать ближних
И неудобно дальних,
Но не бывает лишних
Жертв на пути съеданья.

В поэзии, увы,
он не был магом:
И слог хромал,
и рифма – как ушиб.
Но, горсть соплей
размазав по бумаге,
Считал, что это –
зеркало души.

В пылу весеннего цветенья,
От восхищения дрожа,
Мы, соловья услышав пенье,
Ему старались подражать.

Грозит с годами отупенье:
Фальшивых ног не уловив,
Мы слышим собственное пенье,
Себя зачислив в соловьи.

Прут в классики,
хоть что-нибудь слепив,
На качество
усилий не потратив.
Но если их талант
слегка червив –
Гарантия, что вырос
без нитратов.

Слаб язык
и убог сюжет,
Рифма –
хоть удавись на рее.
С каждым годом
всё больше жертв
Поэтической диареи.

Желанье есть –
способностей зеро:
Бей по руке
или сломай перо!

С талантами
 в одном строю
Его поставили
 случайно:
Ведь так легко
 за струйку чая
Принять
 похожую струю!

Как пукнется –
Так и аукнется.

Не напишут сценарий
 Наумов и Алов,
Режиссёров-творцов
 не найти на Руси.
И актёришки бегают
 по сериалам,
Не меня ни образ,
 ни даже трусы.

Он думает, что пишет,
как Эразм,

И, как Крылов,
гоняет скот на выпас...
Под старость нам не трудно
впасть в маразм,
Но невозможно
из маразма выпасть.

Ну, хватит про хохлов да сало.
Другое времечко настало:
Крутых загривков, толстых щёк
И хищной пасти грозный щёлк.

А Муза, горести полна,
Ждёт Салтыкова-Щедрина.

Для премии Маланюка
Нужна “мохнатая рука”.
Талант, возможно, нужен тоже,
Но всё-таки рука дороже!

Он басню прочитал давно.
Не понял. Стал искать зерно
И перерыл навоза кучи,
Но только вонюю всех замучил.
Увы, весьма типичный случай.

И не дано понять убогим:
Дар не в навозе – а от Бога.

Ему ни есть, ему ни пить –
Одно желание – вступить!
Вступайте, только осторожно:
Вступить во что угодно можно...

КРИТИКУ

“И тот бездарен, и этот плох.
Разогнать бы их всех взащей!”.
Что проку у ближних выискивать “вшей”?
Избавьтесь от собственных “блох”!

Раньше экономика была плановая,
А теперь клановая.

Вожди, друг друга понося,
Вербуют наши голоса.
Не стой покорно, как овечка:
У претендентов нынче “течка”.

Кому – дачки,
Кому – подачки.
Каждому Бог
Дал, сколько смог.

Мы поверили хитрым Емелям –
Потеряли железо и медь
И “имеем то, что имеем”,
Коль позволили нас поиметь.

Размножилась членов епархия
В правительстве, Раде и партиях.
Не ждите добра хоть на унцию –
У членов конкретная функция.

Долой кефир и клизму –
Вперёд, к капитализму!
Скорей бы уж добраться,
А там дадут просрать!

Ветерок скользит по полю:
“Ю – ле во – лю...Ю – ле во – лю...”
Скачут птички по газону:
“Юльке – зону! Юльке – зону!”
Хоть вопрос понятен вроде,
Нет консенсуса в природе.

Судить талант за то,
что смог украсть? -
Несправедливо
поступила власть:
Отдельный номер,
спецпаёк, биде –
Простым бы людям
жить в такой “беде”.

ВЫБОРЫ в 99-ом ОКРУГЕ

Чтоб ловко обтяпать дельце,
Есть схема могучего клана:
Ведут по пятнадцать “индейцев”
“Отечеству” на закланье.

Мы не всему сегодня рады,
Но есть прогресс – и это радует:
Лихие в прошлом “конокрады”
Сегодня стали казнокрадами.

Рог кличет конных и пехоту
На “королевскую” охоту.
И бой за “дичь” жестокий начат:
В атаку бросились “волчата”.
Пусть кровь стекает по усам –
Волчата учатся кусать,
В зубах растущих крепок зуд...
Будь осторожен – загрызут!

Ну, как уснуть спокойным сном?
Не предоставлен выбор нам:
То заорут коты весной,
То депутаты к выборам.
Орут, одну лишь цель имея...
Но всё-таки коты – честнее.

Пути провиденья – как мостик хлипкий:
Не часто удачей нас Бог обласкал.
Но к жизни всегда относитесь с улыбкой,
Иначе она вам покажет оскал.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Бутерброды всегда
 маслом падают вниз –
Это факт.
 Неизбежен урон.
Как же быть? Мой совет:
 не скупись, не ленись –
Маслом смажь бутерброд
 с двух сторон.

Желудок лечите голодом
И летом готовьте сани,
Держите голову в холоде,
А ноги остынут сами.

Любовь нам Адамом и Евой завещана,
И чашу любви каждый пьет до дна:
У каждого есть своя первая женщина,
А вот последняя – у всех одна.

Он не герой,
 не страстный мачо,
Нет сил
 на взлёт и на размах.
Но, хоть давно уже
 не мальчик,
Всё ходит,
 “путаясь в соплях”.

Пригласил мужик на пьянку
В гости бабу-лесбиянку.
Два поставил пузыря,
Раскошелится – а зря...

Его года стекают в Лету,
Идут желания на спад.
Он, как байбак: зимой и летом
Поспал – поел, поел – и спать.

Разорались: “Юле – волю!”
“Юле – зону!” – те же лица.
Я вас, братцы, не неволю,
Но пора определиться.
Понимаю – деньги платят,
Но хоть морду нужно прятать.

Нам власть преподносит
доступно и просто
В процентах расчёт
экономики роста.
И мы не считали б
ни гривны, ни центы,
Когда бы могли
есть не хлеб,
а проценты.

В списках
от кандидатов
тесно,
Каждый
давать обещанья
горазд.
Хотя бы один
заявил честно:
“Всё верну,
что успел украсть”.

Реклама – двигатель торговли,
Торговля – двигатель прогресса.
Нас на рекламе дружно ловят
И телевиденье, и пресса.
Торговля пожирает “мани”.
И есть прогресс,
но лишь в обмане.

Был румяным –
стал я синим:
Очищался от токсинов.

Судьба не зависит
от места и времени,
Пути провиденья
сложны и запутаны:
Бывает, что яблоко
стукнет по темени,
Но это страдальца
не сделает Ньютоном.

Злость эпиграмм со временем умрёт,
А песня сердца к сердцу достучится:
И мы узнаем истинные лица
Своих друзей, и свой забытый род –
И заблестит слезинка на ресницах...

П Е Р Е В О Д Ы

*Не так-то просто сделать это,
Словцом красивым не греша,
Чтоб сохранились у поэта
Его и облик, и душа.*

П Е Р Е К Л А Д И

Із Володимира Базилевського

ДИКЕ ПОЛЕ

Мав би знати – ногайські уроки
небезпечні, як тиф і чума.
Вийшло боком те – око за око –
світ з п'їтьми, але вбивча та
тьма.

Мав би знати – ходіння в улуси –
рокової залежності знак.
І засвоїш ти й інші спокуси,
а не тільки лексеми на “ак”.

Ти ловив, та в невидимі сіті
й сам піймався на тим рубежі,
де проноза-кайсак ще до Січі
дав поживу незрілій душі.

А тепер тільки дай тобі привід,
натякни, де лежить булава,
як дворушної Азії привид
озоветься у нуртах ества.

Полиняли знамена лицарства,
правлять родом пожиток і звих.
Темна суміш плебейства з татарством
бродить в жилах твоїх чоловіх.

І онук, в чиїх генах двоїстість,
у жадобі щасливих чужин
відчуває свою несумісність,

П Е Р Е В О Д Ы

Из Владимира Базилевского

ДИКОЕ ПОЛЕ

Знать бы должен: ногайцев уроки
Так опасны, как тиф и чума.
Вышел боком – как око за око –
Свет из тьмы, но убийственна тьма.

Знать бы должен : хождение в улусы –
Роковой подчинённости знак.
Ты усвоишь другие искусства,
А не только лексемы на “ак”.

Ты ловил, но в незримые сети
Сам попался на том рубеже,
Где пройдоха-кайсак в час до Сечи
Дал поживу незрелой душе.

А теперь только дай тебе повод,
Намекни, где лежит булава,
Как двурушницы Азии слово
Отзовется внутри естества.

Потускнели знамёна и царства,
Правят родом нажива и страх.
Смесь густая плебейства с татарством
Бродит в жилах твоих и мозгах.

Внук, в чьих генах двоистость вместилась,
В острой жажде счастливых чужбин
Эту чувствует несовместимость,
Настоящих не зная причин.

Гріховність од, мізерність правд –
як мало ж ви надбали! –
Нагадують Петроній, Плавт
та інші генерали.

А як дурманило й несло
у ту парадну пору
перо, що гралось, як весло
із морем в непокору!

Змішалось мертве і живе,
мені вас трохи жалко.
Життя, як дзеркало криве,
розбилося на скалки.

04.05.2006 р.

Після нечуваних потрав
німіють слово й звук.
І тих пісень, що дід співав,
не заспіва онук.

Розірветься ланцюг епох,
й, затамувавши крик,
посунеться, як магма, в льох
селянський материк.

Нащадок вирівня ландшафт,
себе в нім не пізна.
І вип'є з ним на брудершафт
веселий сатана.

07.05.2006 р.

* * *

Греховность од, мизерность правд –
приобрели так мало!-
Напомнили Петроний, Плавт,
другие генералы.

А как дурманило, несло
в сплошных парадах пору
перо, играя, как весло
с волнами в непокорность.

Смешалось мёртвое с живым,
мне вас не жаль нисколько.
Жизнь ваша зеркалом кривым
разбилась на осколки.

* * *

Прошёл потрав жестокий шквал,
немеют слово, звук.
И песен тех, что дед певал,
петь не захочет внук.

И разорвётся цепь времён,
и, в горле скомкав крик,
сползёт, как магма, в погреб-схрон
крестьянский материк.

Потомок выправит ландшафт,
себя в нём не познав.
И выпьет с ним на брудершафт
весёлый сатана.

ФАНТОМНИЙ БІЛЬ

Болить
відрізана нога,
вночі пече
і вдень діймає.

Людина тяжко
змагає –
болить нога!
Ноги ж немає.

Болить
Душа моя вві сні –
фантомний біль!
Безсилі ліки.

Це ти
всю ніч болиш мені,
ти,
що відрізана навіки.

І та,
що й безрухом горбка
за все, за все
спитає строго,
болить нестерпно і гука,
я прокидаюся –
нікого.

Комусь в Нью-Йорк,
комусь в Париж,
а я
немов справляю тризну.
Як ти болиш,
як ти болиш,
майже відрізана
Вітчизна!

25.03.2002 р.

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

Отрезали –
болит нога,
терзает боль
зимой и летом.

И тяжело
изнемогать –
болит нога!

Ноги-то нету.

Болит
душа моя во сне –
фантомна боль!
Спасаться нечем.

Ты, ты
болишь ночами мне,
ты,
что отрезана навечно.

И та,
что скорбностью холма
за всё
нас спросит строгим взглядом,
зовёт - и сводит боль с ума,
я просыпаюсь –
пусто рядом.

Кому в Нью-Йорк,
кому в Париж,
а я
как будто правлю тризну.
Моя душа,
как ты болишь:
почти отрезана
Отчизна!

Ще Брут не втік,
ще торжествує Кассій,
а вже Антоній тягнеться до каси
й шука на Ціцерона компромат.

Абсцесом бунту набрякають маси,
гремить Лжемарій і горить сенат.

І, слухаючи запальних промовців,
– О Ціцерон, не бійся переможців, –
собі самому каже Ціцерон,-
а бійся тих, хто з божої неласки
в день березневих ід зазнав поразки,
несуголосні помста і закон...

Всезнаючий капітолійський камінь
Підтвердить кров'ю висловлене ним.

Комета стане вісником розламу:
і мертвий Цезарь голими руками
трима за горло непостійний Рим.

19.09.2001 р.

Брут не сбежал,
Ещё в зените Кассий,
Но уж Антоний потянулся к кассе,
На Цицерона ищет компромат.

Абсцессом бунта набухают массы,
Гремит Лжемарий и горит сенат.

И, слушая ораторов тирады,
– О Цицерон, не их бояться надо, –
Так говорит себе же Цицерон, –
А бойся тех, кто по неласке божьей
На мартовские иды был низложен:
Не совместить отмщенье и закон...

Всезнающий capitoлийский камень
Подпишет кровью сказанное им.

Комета час разлома предрекает:
И мёртвый Цезарь голыми руками
За горло держит непутёвый Рим.

Я степ читав – не прочитав,
мій розум вибився із сил,
вивчаючи реєстри трав,
труху і маслаки могил.

Я небо прочитав не зміг,
в неясній тузі стежив рух
світил, як темний печеніг
чи царський скіф – кентавр і зух.

І, як раніше, витіка
У ритмі медитацій хмар
ох, непрочитана ріка,
солодкий сон,
минуций дар.

Навіщо ж небо я читав?
і книгу вод?
і книгу трав?

Навіщо жадібно вглибав
у сни віків?
у прах могил?

Навіщо стежив рух світил?
Навіщо вивчив алфавіт?

Стоїть-тремтить біля воріт
й беззвучно плаче у рукав
в синцях дитя похилих літ –
життя, що я не прочитав.

04.05.2003 р.

Я степь читал – не прочитал,
Мой разум выбился из сил.
Я изучал реестры трав,
Труху и кости из могил.

И небо не открылось мне:
В тоске следил извечный круг
Планет, как тёмный печенег
Иль царский скиф – кентавр и зух.

Как прежде, будет вытекать
В такт медитаций облаков
Ох, непрочтённая река, –
Невечный дар,
Миг сладких снов.

Зачем же небо я читал?
И книгу вод?
И книгу трав?

Зачем я жадно проникал
Во сны веков
И прах могил?

Зачем постиг пути светил,
Познал сплетенья букв секрет?

Под дверью, слёз размазав след,
В ушибах – плата по счетам –
Стоит дитя преклонных лет –
Вся жизнь, что я не прочитал.

ЧИТАННЯ ПОПЕЛУ

Читання попелу – захоплююча справа
хоча б тому, що дика мисль зрина –
усе матеріальне – лиш забава,
гра самосійних сил (і гра лукава!),
бо світ свого призначення не зна.

Я вигрібаю попіл кочергою,
і попіл постає переді мною
сосною, що тримає небосхил.
Упершись в землю мідною ногою,
шумить верхами, кроною густою,
розгониста, могутня, повна сил.

Невидима, вгорі дзвенить синиця,
зальотний лист на вістря ловить глиця,
дійма живиця духом смоляним,
і білочка, завмерши, як в спокуті,
блискучим оком – крапелькою ртуті
запитує – чому прийшов і з чим?

Тут діє свій неписаний закон –
грибам рости, гатити в стовбур дятлу,
і я, розвівши папороті патли,
пірнаю в ліс, як в мідний Парфенон,
мисливським зором розкошую потай,

поет – це той, хто прочитає попіл.
(Але поет із нахилом до Канта,
бо попіл – це небесне еспіранто,
в якому нез'ясовно ожива
затаєна вітальна суть ества).

ЧТЕНИЕ ПЕПЛА

Прочтенье пепла, как потоки лавы,
Мысль дикую в сознание принесут:
Материальность мира – лишь забава.
Игра воображения лукава -
Не знает мир предназначенья суть.

Я выгребаю пепел кочергою –
И пепел предстаёт передо мною
Сосной, что подпирает небосвод.
Упёршись в землю медною ногою,
Шумит верхами, кроною густою,
Могуче ввысь направив стройный ствол.

Звенит вверху синицы голос тонкий,
Зелёный лист ель ловит на иголки,
Живица духом смоляным крушит,
И белка, замирая на минуту,
Блестящим глазом – капелькою ртути –
Выспрашивает: вы зачем пришли ?

Тут действует неписанный закон –
Грибам расти, стволы дырявить дятлу,
И я, раздвинув трав сплетённых патлы,
Ныряю в лес, как в медный Парфенон,
Тайком любуюсь красотой без плевел,

Поэт – лишь тот, кто прочитает пепел.
(Но тот поэт, кто склонен к взглядам Канта,
Ведь пепел – это неба эсперанто,
Где так необъяснима и жива
Таинственная сущность естества).

Відчиниш слух – затопить вуха гул,
то соло смерті, крематорій світу,
що стишує земний нестрим-загул
і пише попелом замість звичайних літер,
виловлюючи суще почергово,
та попіл не лише сакральна мова,
а й добриво, а отже, колумбарій
у сенсі філософським – ще й розарій.

Читання попелу досяжне лиш для того,
хто на три чверті вже пройшов дорогу,
і сам собі і судія, і гід,
чия хода важка, печаль глибока,
хто має вже не два – чотири ока
і бачить те, що бачити не слід.

Зойк мезозою у чужому часі,
він вигляда, як бегемот на трасі,
покинутим, незграбним і смішним.

Є ще ознака – серед альбіносів,
як вогкий хмиз, димлять його волосся,
а старший брат у попелу – це дим.

28.03.2002 р.

Я М А

*Народи попадали в яму,
яку самі викопали.*

Книга псалмів

Заспаний ранок впустив на дорогу
горньої пряжі мотки золоті.
Ті, що орали колись перелоги,
мляво пристали до тих, хто в гурті.

Откроешь слух – затопит уши гул,
В нём соло смерти, крематорий вечный,
Что тормозит земной разгон-загул
И пишет пеплом вместо букв привычных,
Вылавливая суть поочерёдно,
Но пепел и сакральной речи сроден,
И удобренью, то есть колумбарий,
А в философском смысле – и розарий.

Но пепел прочитать те только смогут,
Кто на три четверти прошёл дорогу,
Кто сам себе и гид, и судия,
Чей шаг тяжёл и чья печаль глубока,
И кто уже не в два – в четыре ока
Мир видит без фальшивых одеянь.

Вскрик мезозоя в чужеродной массе,
Он выглядит, как бегемот на трассе:
Покинутым, неловким и смешным.

Ещё есть признак – между альбиносов,
Как хворост в дождь, его дымятся космы,
А старший брат у пепла – это дым.

Я М А

*Народы попадали в яму,
которую сами выкопали.*

Книга псалмов.

Сонного утра лучи на дороге
золото пряжи небесной плели.
Тот, кто когда-то пахал перелогии,
вяло пристал к тем, что стадом брели.

І запитав їх прискіпливо й строго
той, що за них розіп'явся на хресті:
“Як же ви, як же дійшли до такого –
ялові ниви , в оселях убого,
ви, як намахані, дух взаперті?”

“На блекоті
хліб наш замішаний,-
дивлячись в ноги,
котрийсь понуро озвався з порога,-
збились ще пращури наші з путі,
все в нас навиворіт,
навіть святі...”

“Може, забули, як вас поодинці
й валками гнали новітні ординці?! –
вигукнув той, що зійшов із хреста, -
бо животієте, як у звіринці,
раді , вам кинутій зайшлим, шкуринці,
мовби шкуринка – ваша мета,
мовби спідручніше плазом та згинці,
серед злочинців ви перші злочинці,
ви – обібрали себе дочиста!”

“Знаємо, та, -
Крайній почухав за вухом мізинцем, -
Спадком чомусь володіють чужинці...”

З шалом хорта
вітер зірвався із ближньої пущі,
озеро сплющив, розпатлав дими.
Вилупивсь день, мов курча з шкаралущі,
і зашумів листяними крильми.

“Хто ж ваші старші?”

“Вони нетямуші

І загребуші такі ж , як і ми...”

Під ворітьми

ще не проспались найглибші уми.

И вопрошал к ним придиричиво, строго
тот, кто за них был распят на кресте:
“Как вы могли? Как дошли до такого –
Нивы бесплодны, в селеньях убого,
вы одурели в бездушии тел.”

“На белене
хлеб наш замешан, –
так, взгляд свой потупив,
кто-то ответил угрюмо и тупо, –
предки искали дорогу в стене,
всё наизнанку,
и святости нет”.

“Вас, как скотов, – позабыли иль нет? –
толпами новые гнали ордынцы?! –
выкрикнул тот, кто сойти смог с креста, –
вы существуете, словно в зверинце,
рады от пришлых любому огрызку,
словно подачка – и цель, и мечта,
словно удобней ползком и без риска,
вы средь злодеев – злодеи втройне,
вы обобрали себя донага!”

“Знаем, ага, –
За ухом крайний поскрёбся мизинцем, –
только наследство досталось ордынцам...”

Как ураган
вырвался ветер из зарослей пуши,
озеро сплющил, распатлал дымы.
Утро пробилось сквозь синюю гущу
и удивлённо взглянуло на мир.
“Старшие кто?”
“Дураки ещё пуще
И загребущи не меньше, чем мы”
Возле корчмы
спали вповалку народа умы.

Вперся важким і запаленим оком
у розпростерті недвиги-тіла –
“Вкотре обльовано ваших пророків,
ви ж накликаєте демонів зла,
смертно п’ете, спила б вас зола!
Чень вам замало могильних уроків,
вам – салоїдам, жерцям барахла?!“

Вічна бджола
в гречці гула,
а за декілька кроків
кури греблися, худоба ревла.
З хліва навпроти хрюкали свині,
доки охвістям туман у долині
кублвся ще на старечій воді,
на осокорах, на березі й глині,
маслом синюшним на сковороді
озера плавився...

зблисло тоді –
“Все тут понищать безтямні й причинні,
бути біді,
хоча свині й невинні...”

“Ти нам звиняй, вже заждалась худоба,
сапи, лопати і дівтора...”

Він зауважив: “А й справді пора”,
сам же подумав: “Фатальна хвороба
вразила люд цей, який не з добра
суне до ями й гуртом вимира...”

Затінь жалоби упала на лоба,
тяжко боліла голгофна випроба,
біля двора
люто змагалися мальви й чорнобиль.

04.04.2002 р.

Взглянул тяжёлым ввалившимся оком
на распростёртые брёвна-тела:
“Вновь оплевали всех ваших пророков,
вы же накличете демонов зла:
до смерти пить! Испила б вас зола!
Или вам мало могильных уроков,
вам – салоедам, жрецам барахла?!”

В гречке пчела
взятку брала,
а совсем недалёко
куры квохтали, скотина спала.
В ближнем хлеву дружно хрюкали свиньи,
белым охвостьем туман по долине
рвался и плыл по стоячей воде,
по осокорям, по берегу, глине,
маслом синюшным по сковороде
озера плавился...

Вдруг разглядел:
“Всё дураки разгромят беспричинно,
быть тут беде,
только свиньи невинны”.

“Ты нас прости, скот не кормлен ни разу,
ждут нас лопаты, орёт детвора...”

Он им ответил: “И вправду пора”,
сам же подумал: “Фатальной заразой
люди заражён, если он не с добра
к яме толпою бредёт умирать...”

Лоб омрачила тень муки и скорби,
боли голгофы терзали утробу,
возле двора
схватка жестокая: мальвы – чернобыль.

А ДНІВ ШУРХОТІВ ОЧЕРЕТ

Шукало прибутку добро,
сахалося мору.
Тягнулось дитяче перо
на поклик простору.

Вглибало доросле перо
в печаль чебрецеву:
“Візьми в мене,- чуєш? – ребро,
створи мені Єву!

Бо тяжко в сирітстві уму,
а надто – надвечір.
Бо страшно мені одному
в людській порожнечі”.

А днів шурхотів очерет
печалю земною...
Відомо було наперед,
що буде зі мною.

20.12.2004 р.

*Але була така пітьма –
свої своїх не пізнавали.*

М.Філянський

І зрушили льодовики,
і скресли під'яремні води,
і пройняло звіддалеки
забутим повівом свободи.

І до душі душа німа
уста розверзла із розвалу.
Але була така пітьма –
свої своїх не пізнавали.

А ДНЕЙ ШЕЛЕСТЯТ КАМЫШИ

Искало прибитка добро,
Шарахалось мора.
И детское рвалось перо
На вызов простора.

Вникало, взрослея, перо
В печаль трав и древа:
“Возьми моё, – слышишь? – ребро,
Создай же мне Еву!

Так тяжело в сиротстве уму,
Тем паче – под вечер.
Так страшно мне быть одному
В толпе человеческой...”

А дней шелестят камыши
Печалью земною...
Заранее кто-то решил,
Что будет со мною.

*Вокруг была такая тьма –
свои своих не узнавали.*

М.Филянский

И сдвинулись громады льда,
из-под ярма сверкнули воды,
и пробрало издалика
забытым веяньем свободы.

Тогда к душе душа нема
уста разверзла из развала.
Увы, вокруг такая тьма –
свои своих не узнавали.

Таку підважив ношу
і так свистів тут бич,
що вже згадать не можу
імен їх та облич.

Лишень неясні звуки,
непевні голоси,
та загребущі руки,
та тьмяні образи.

Та переляк безтарки,
та лемент циркулярки,
та до надриву сварки
під вечір за межу,
та дух важкий солярки,
та те, про що без чарки
нікому не скажу.

08.05.2003 р.

А ніч, мов колодязь, глибока,
і все, що у ній прозира
безсоння запалене око,
не вичерпа паща цебра.

Поглинула силу і вроду
колодязна ніч світова.
Чим більше вичерпуєш воду,
тим більше її прибува.

А голос покотиш з узгірка,
дурна перекривить луна.
Регоче колодязна дірка,
в якої ні корби, ні дна.

26.09.2002 р.

Такую ношу поднял
И так свистела плеть,
Что имена не вспомню
И лиц не разглядеть.

И лишь неясны звуки,
Нечётки голоса,
И загребущи руки,
И тёмны образа.

И перепуг бестарки,
И визги циркулярки,
И до надрыва сварки
Под вечер за межу,
Тяжёлый дух солярки
И то, о чём без чарки
Ни слова не скажу.

А ночь, как колодец, глубока.
И всё, что смогло увидеть
Бессонницы хворое око, –
Не вычерпать пастью ведра.

Красу проглотила и силу
Колодца всемирная ночь.
И сколько б воды ни носили,
Напор её не превозмочь.

А голос покатишь горою –
Врёт глупое эхо, дразня.
Хохочет колодец дырою,
Ни ворота нет в ней, ни дна.

Мов Хлоя й Дафніс:
мир і лад,
вуркочуть голубками рядом,
як в райських кущах...
 Це фасад...
 І вміру пекла за фасадом.
Ще голуб загіба крилом,
та другим вперся в буднів глину.
Немов поміж добром і злом
саморозп'явсь без хрестовини.
 А хліб у небі не росте.
 Й голубка сіть майстерно в'яже.
 Сплелося сіре й золоте,
 скрипить турбот чумацька мажа.
І вже й не мир,
і вже не лад
і голубки все рідше рядом...
 І все ж приємніший фасад,
 ніж тихе пекло за фасадом.

08.05.2002 р.

КАРАМЕЛЬКА

Розкрутив карусельку
вечір – блискавка й грім.
Я смокчу карамельку
І міркую при тім.
 Карамелька солодка,
 та ціна негнучка.
 Надто відстань коротка
 від лотка до горбка.
Напирає земелька,
ловить в ятір трава.
Це життя – карамелька
За водою сплива.

14.04.2003 р.

Как Дафнис с Хлоей:
Мир и лад,
Воркуют голубками рядом,
Как в райских куцах...
 Вот фасад...
 И в меру пекла за фасадом
Сизарь ещё гребёт крылом,
Другим упёрся в буден глину.
Как будто меж добром и злом
Себя распял без крестовины.
 Но зёрен не подарит высь –
 Голубка сеть искусно вяжет.
 И серость с золотом сплелись,
 Скрипит забот чумацких мажа.
И где тот мир,
И где тот лад?
И голубки всё реже рядом...
 И всё ж приятнее фасад,
 Чем пекло, скрытое фасадом.

КАРАМЕЛЬКА

Раскрутил карусельку
Вечер - молния, гром.
Я сосу карамельку,
Рассуждая при том:
 Карамелечка сладка,
 Да цена высока:
 Расстоянье так кратко
 От лотка до горбка.
Напирает землячка,
Вяжут травы венец.
Это жизнь – карамелька
Тает, как леденец.

Є пізні медоноси,
вони цвітуть тоді,
коли обдерта осінь,
як сирота, в нужді.
Є пізні медоноси,
їх смокчуть хижі оси,
коли ж не брак тепла,
не омина й бджола.
Душе моя,
ти боса
топтала скалки скла
і пізнім медоносом
у жовтні зацвіла.
За крок до передзим'я,
коли небесне вим'я
вже набряка над нами
дочасними снігами.

10.10.2001 р.

Я спогадом ревно себе бороню,
зліта над рікою хустина вогню.
Ріка, як межа, вогонь, як межа,
німують навпроти чужий і чужа.
А треба лишень подолати межу,
аби нечужий упізнав нечужу.
Та крок заважкий і слова кам'яні,
ковта їх ріка і ховає на дні.
Як ніч оприлюднить запаси пшона,
він піде праворуч, ліворуч – вона.
І степ з пересердя жбурне на стерню
прощальну хустину, хустину вогню.

30.04.2003 р.

Срок поздних медоносов...
Они цветут, когда
Ободранная осень,
Сиротство и нужда.
 Срок поздних медоносов...
 Сосут их хищно осы,
 А если чуть тепла –
 Не проминёт пчела.
Душа моя,
 ты боса.
По битым стеклам шла
И поздним медоносом
В октябрь зацвела,
 За шаг до передзимья,
 Когда у неба вымя
 Набухло уж над нами
 Досрочными снегами.

Я помню - и это спасает меня:
Взлетает над речкой платок из огня.
 Река, как межа, пламя – тоже межою.
 Застыли, немея, чужой пред чужою.
А надо всего лишь пройти над межой,
Чтоб мог нечужую узнать нечужой.
 Но шаг так тяжёл, и слова – из камней,
 Глокает их речка и прячет на дне.
Когда ночь рассыплет запасы пшена,
Пойдёт он направо, налево – она.
 И степь, рассердившись, платок из огня
 Швырнёт на прощанье - и вспыхнет стерня.

Не тріумфуй – збулись чужого іга,
страшніше – власне, бо ж своя вина.
По Києву гуляють печеніги,
а в печенігів наші імена.

І наша кров, –
хоча й не наша мова,
веселий безум в ситих їх очах
і хижі жести – вийшли, як на лови!
Печерні їхні душі – при мечях.

Ховайся, княже!
Утікай, Софіє!
Від їх – ще не запалених – кострищ
непам'яті мертвотним духом віє,
холодною золою попелищ.

Орали, сіяли, косили,
косили, сіяли-орали.
Дощу у Господа просили
і знов по колу починали.
Орали. Сіяли, косили,
косили, сіяли-орали.
Там, де рівнини й крутосхили,
здоров'я ріки витікали.
Орали, сіяли, косили,
косили, сіяли-орали...
І не помітили, як сили,
мов брага в бочці, переграли.
І дивувалися з могили:
А що ж ми бачили? Що знали?
Орали, сіяли, косили,
косили, сіяли-орали.

Не торжествуй – чужое иго сбросил,
страшней – своё, ведь в том своя вина.
Права на Киев печенег не просит –
у печенегов – наши имена.

И наша кровь –
хоть и не наше слово,
и блеск безумства в сытых их очах,
и хищны жесты – вышли, как на ловы!
Пещерные их души – при мечях.

Спасайся, князь,
с Софиею своею!
От их – ещё не вспыхнувших – кострищ
беспамятства мертвящим духом веет,
остывшею золою пепелищ.

Пахали, сеяли, косили,
Косили, сеяли-пахали.
Дождя у Господа просили
И вновь по кругу начинали.
Пахали, сеяли, косили,
Косили, сеяли-пахали.
С полей в овраги дымкой синей
Здоровья реки вытекали.

Пахали, сеяли, косили,
Косили, сеяли-пахали...
И не заметили, что силы,
Как брага, в них переиграли.
И удивились из могилы:
А что ж мы видели? Что знали?
Пахали, сеяли, косили,
Косили, сеяли-пахали.

Із Василя Симоненка

*Здрастуй, сонце, і здрастуй, вітре!
Здрастуй, свіжосте нив!
Я воскрес, щоб із вами жити
Під шаленством весняних злив.*

ГНІВНІ СОНЕТИ

ПОГОДА

Тремтіть небіжчика не змусиш від морозу,
Та й від жару він пітувать не стане,
Як не народить думку, хоч погану,
Муштрований, убогий розум.

Він буде завжди вірити прогнозам,
На все життя складать наївні плани,
Вмивати морду заспану з-під крана –
Він побоїться поклонитись грозам.

Він, може, нишком буде навіть злитись,
Та побоїться, грішник, помолитись
І буде тихо та спокійно жити.

І тільки той, хто чхає на погоду,
Той, хто не служить череву в угоду,
Зуміє правді й розуму служити.

Из Василя Симоненко

*Здравствуй, солнце, и здравствуй, ветер!
Здравствуй, нива в сияньи рос!
Я воскрес, чтобы с вами встретить
Буйство первых весенних гроз.*

ГНЕВНЫЕ СОНЕТЫ

П О Г О Д А

Покойника не испугать морозом,
Да и в жару мертвец потеть не станет,
Как мысль, хоть плохонькую, не представит
Муштрованный, убогий разум.

Всегда он будет доверять прогнозам,
Наивные для жизни строить планы,
Мыть морду сонную водою из-под крана –
Он побоится поклониться грозам.

Тайком, возможно, будет даже злиться,
Но побоится, грешник, помолиться.
И будет тихо и спокойно жить.

И только тот, кто плюнул на погоду,
Тот, кто не служит животу в угоду,
Сумеет правде и уму служить

БЕЗ НАЗВИ

Комуś життя – забави та відради,
А світ закритий ширмою вікна,
Турбота в нього цілий вік одна –
Дістать дружині пудри та помади.
І він до всього шкїрить зуби радо,
У все повірив і прийма сповна,
А думати тоді він тільки зна,
Коли відгадує кросворди чи шаради.
Безпечний дурнику. Живи собі на втіху,
Не знай ні горя, ні страшного лиха
Думки носить у черепі тугому.
Мугич пісні гугняво під сопїлку,
Їж досхочу, на свята пий горїлку,
Але хоч жить не заважай нікому.

Ой майнули білі коні,
Тільки в'ються гриви,
Тільки курява лягає
на зелені ниви.
Пронеслись, прогупотїли,
врізалися в небо,
Впала з воза моя мрія–
пїшки йде до тебе.
Знаю, дійде, не охляне,
в полі не зачахне –
Світ твоїми, моя люба,
кучерями пахне!
Крізь пилюку, по багнюці,
в холод і завїю
Прийде чистою до тебе
біла моя мрія.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Кому-то жизнь – забавы и отрады,
От мира скрыт за ширмою окна,
Забота у него весь век одна –
Достать супруге пудры да помады.
Ему на всё поскалить зубы – в радость,
Готов на веру всё воспринимать,
Нужна ему лишь капелька ума
Разгадывать кроссворды и шарады.
Беспечный дурачок. Живи в довольстве тихом,
Не знай ни горя от ума, ни лиха
Иметь мозги под черепом тугим.
Горлань гнусаво под гармошку песни,
По праздникам и ешь, и пей, хоть тресни, -
Но не мешай хотя бы жить другим.

Ой, мелькнули белы кони,
только вьются гривы,
Только пыль вослед ложится
на зелёных нивах.
Пронеслись, прогрохотали
громом в небе вешнем,
А мечта упала с воза,
идёт к тебе пешей.
Добредёт, не ослабеет,
в поле не зачахнет,
Мир твоими, дорогая,
локонами пахнет.
Сквозь пылицу, по грязице,
под метельным воем
Мечта моя белой – чистой
встанет пред тобою.

Я чую у ночі осінні,
Я марю крізь синій сніг:
Вростає туге коріння
У землю глевку із ніг.

Стають мої руки віттям,
Верхів'ям чоло стає,
Розкрилося ніжним суцвіттям
Збентежене серце моє.

Вростаю у небо високе,
Де зорі – жовті джмелі,
І чую: пульсують соки
У тіло моє з землі.

Зі мною говорять могили
Устами колишніх людей,
І їх нерозтрачені сили
Пливуть до моїх грудей.

О земле жорстока і мила,
Ковтнула ти їхні дні –
Усе, що вони любили,
Віддай долюбити мені!

Усе, що вони не домріяли
У чорному гвалті боїв,
Хай клекотом і зав'язми
Ввірветься в думки мої!

Вслухайтеся, земле і небо,
У рокіт страждань моїх –
Живу не лише для себе,
Я мушу жити й за них.

Я чувствую ночью осенней,
Я брежу сквозь снежный смог:
Врастают тугие коренья
В упругую землю из ног.

И руки мои – как ветви,
Верхушкой чело предстаёт,
Раскрылось вдруг нежным соцветьем
Тревожное сердце моё.

Врастаю я в небо высокое,
Где зори – желтее шмеля,
И слышу: пульсирует соками
В тело моё земля.

Со мной говорят могилы,
Их правду я сердцем пью:
Поток нерастраченной силы
Вливается в душу мою.

Земля, скольких ты сгубила,
Их жизни взяла, как дань?
Но всё, что они любили,
Ты мне долюбить отдай!

И что домечтать не успели,
Грудью бросаясь в бои,
Пусть клекотом и метелью
Врежется в мысли мои.

Вслушайся, небо, прошу я
В рокот страданий моих:
Не ради себя живу я –
Я должен жить и за них.

Де зараз ви, кати мого народу?
Де велич ваша, сила ваша де?
На ясні зорі і на тихі води
Вже чорна ваша злоба не впаде.
Народ росте, і множитья, і діє
Без ваших нагаїв і палаша.
Під сонцем вічності древніє й молодіє
Його жорстока й лагідна душа.
Народ мій є! Народ мій завжди буде,
Ніхто не перекреслить мій народ!
Пощезнуть всі перевертні й приبلуди,
І орди завойовників-заброд!
Ви, байстрюки катів осатанілих,
Не забувайте, виродки, ніде:
Народ мій є! В його волячих жилах
Козацька кров пульсує і гуде!

П О К А Р А

Не всі на світі радощі священні –
Є радощі, народжені з проклять,
Коли, метнувши громи навіжені,
Став Єву Бог із Раю проганяць.

Він їй сказав: “Ослушнице зухвала!
Мені твого не треба каяття –
Прирік тобі, щоб в муках сповивала,
Живила кров'ю завтрашнє життя”.

Адам ходив насуплений, мов хмара,
У розпачі кривила Єва рот,
Бо ще не знала ця наївна пара,
Що та жорстока помста і покара
Дорожча всіх утрачених щедрот!

И где теперь вы, палачи народа?
Величье ваше, ваша сила где?
На ясны зори и на чисты воды
Не ляжет вашей чёрной злобы тень.
Народ растёт, в труд воплотив идеи,
Без вашего кнута и палаша.
Под солнцем вечности, древнея, молодеет
Суровая и нежная душа.
Народ мой есть! Народ мой вечно будет!
Никто не сможет вычеркнуть народ!
Исчезнут все двуликие приبلуды
И даже след захватнических орд.
А вы, бастарды палачей постылых,
Запомните: не долго вам блудить!
Народ мой есть! В его воловьих жилах
Казачья кровь, пульсируя, гудит.

БОЖЬЯ КАРА

Не все на свете радости священны –
Иные из проклятий рождены:
Рай сотрясался грохотом отмщенья –
Бог Еву гнал за искус Сатаны.

“В раскаяньи к чему ломаешь руки?
Запрета преступила рубежи.
Обрёл тебя, чтобы рожала в муках,
Живила кровью завтрашнюю жизнь”.

Адам – как туча, он не ждал удара,
Кривила Ева от обиды рот:
Наивная ещё не знала пара,
Что эта месть и эта Божья кара
Дороже всех утраченных щедрот!

ПОЕТ І ПРИРОДА

Пройшла гроза – і знову літня проза:
Парує степ , і оживає ліс,
І горобці, неначе з-за куліс,
Упали табуном на просо.

І знов спадають трафаретні роси
Із сінокосів буйних кіс,
І знову в небі невідомий біс
Підвісив сонце на прозорих тросах.

І, захоловувши у дивній грації,
Зітхають свіжістю дівочою акації,
Вітрами обціловані до ніг...

А я дивився, серце розривалося:
Ну що в тім нового, сучасного ховалося? –
Так зрозуміти і не зміг.

Може, ти зі мною надто строга,
Та й чого б ти ніжною була?
Але ти в життя моє убоге
Зіркою яскравою ввійшла.

І нехай проміння те не гріє,
Що послала зірка здалека,
Та до неї лине й лине мрія,
Ніби світло, тиха і легка.

І не треба долі дорікати,
Всіх не може обігрить вона:
Нас до тебе горнеться багато,
Але ж ти одна.

ПОЭТ И ПРИРОДА

Прошла гроза – и снова лета проза:
Парует степь, и оживает лес,
И воробьи, как сборище повес,
Упали табуном на просо.

И отряхают пряди сенокосов
Слезинки рос, упавшие с небес,
И снова в небе невидимка-бес
Подвесил солнце на прозрачных тросах.

И, замерев в неповторимой грации,
Вздыхают девственной свежестью акации –
Ветрами обцелованы до ног...

А я смотрел – и сердце разрывалось:
Ну, что в том необычного скрывалось? –
Хотел понять, но осознать не смог.

* * *

Может, ты со мною слишком строгая?
Но с чего б ты нежною была?
Только ты в судьбу мою убогую
Звёздочкою яркою вошла.

И пускай лучи те не согреют,
Что звезда дарит издалека,
Но мечта всё ищет встречи с нею,
Словно свет, неслышна и легка.

И не нужно сетовать на долю,
Всех не может обогреть она:
Много нас, мы льнём к тебе невольно,
Но ведь ты одна.

Може, так і треба неодмінно,
Як робить давно вже звикли ми:
Падати слухняно на коліна
Перед геніальними людьми.

Вихвалять, і славити, й кричати,
Роздувати фіміама дим –
Геніїв між нами небагато,
То чому ж не поклонитись їм?

Але я зібрав би всіх титанів
І сказав би, знявши капелюх:
- Я не буду вам співать пеани
І хвальбою лоскотати слух.

Ви усі розумні та відверті,
То ж скажіть по щирості мені:
Хто й за що вам дарував безсмертя,
Хто й за що продовжив ваші дні?

Говоріть, кричіть, щоб всі узнали,
Втямили нарешті до пуття:
Смертні вам безсмертя дарували,
Смертні вам продовжили життя!

Щоб надійно крила соколині
Вас у небі вічності несли,
Мудрості своєї по краплині
Смертні вам, як бджоли, віддали.

Вас, як прапор, підніма людина
В боротьбі за правду проти тьми.
Генії! Безсмертні! На коліна
Станьте перед смертними людьми!

Может, так велят нам наши гены,
К этому давно привыкли мы:
Падаем послушно на колени
Перед гениальными людьми.

Мы готовы целовать им ноги,
Раздуваем фимиама дым –
Гениев средь нас не так уж много,
Почему не поклониться им?

Только я собрал бы всех титанов
Вместе и сказал им, сняв треух:
- Я вам дифирамбы петь не стану
И не буду услаждать ваш слух.

Вы мудры, но гонор свой умерьте
И признайтесь хоть бы раз один:
Кто, за что вам даровал бессмертье?
Кто, за что продлил вам вашу жизнь?

Прокричите, чтобы все узнали,
Поняли без выдумок и лжи:
Смертные вам всем бессмертье дали,
Смертные продлили вашу жизнь!

В поднебесье не подняться камню,
Если кто-то не приложит сил:
Мудрости своей за каплей каплю
Смертные, как пчёлы, вам несли.

Поднимают вас, как стяг нетленный,
Для борьбы за правду против тьмы.
Гении бессмертья! На колени
Встаньте перед смертными людьми!

Задивляюсь у твої зіниці,
Голубі, тривожні, ніби рань.
Крещуть з них червоні блискавиці
Революцій, бунтів і повстань.
Україно! Ти для мене диво!
І нехай пливе за роком рік,
Буду, мамо, горда і вродлива,
З тебе чудуватися повік.

Ради тебе перли в душі сію,
Ради тебе мислю і творю.
Хай мовчать Америки й Росії,
Коли я з тобою говорю.
Одійдіте, недруги лукаві!
Друзі, зачекайте на путі!
Маю я святе синівське право
З матір'ю побути насамоті.

Рідко, нене, згадую про тебе,
Дні занадто куці та малі.
Ще не всі чорти живуть на небі,
Ходить їх до біса по землі.
Бачиш, з ними щогодини б'юся,
Чуєш – битви споконвічний грюк!
Як же я без друзів обійдуся,
Без лобів їх, без очей і рук?

Україно, ти моя молитва,
Ти моя розпука вікова...
Громотить над світом люта битва
За твоє життя, твої права.
Хай палають хмари бурякові,
Хай сичать образи – все одно
Я проллюся крапелькою крові
На твоє священне знамено!

Вглядываюсь я в твои зеницы –
Сплав тревоги с нежной синевой.
В них пылают красные зарницы
Революций, бунтов, грозных войн.
Украина! Для меня ты – диво!
И пускай плывут за годом год,
Ты мудра извечно и красива,
Я, дивясь тебе, тобою горд.

Для тебя я в души жемчуг сею,
Для тебя я мыслю и творю.
Пусть молчат Америки, Рассеи,
Если я с тобою говорю.

Не глядите, недруги, лукаво!
Други, обождите в стороне!
У меня святое сына право -
С матерью побыть наедине.

Ты прости, что редко вспоминаю,
Куцы дни, а дел – на много лет:
Дьяволы не все на небе, знаю,
Ходит их до чёрта на земле.

Видишь, с ними бьюсь я ежечасно,
Слышишь – битвы вековечный стук!
Разве буду без друзей я счастлив,
Без их лбов, и глаз, и верных рук?

Украина, ты моя молитва,
О тебе горю и пою...
Во вселенной громыхает битва
За твои права и жизнь твою.

Пусть пылает небосвод багрово,
Пусть сычат обиды – всё равно
Я прольюсь хоть капелькою крови
На священный шёлк твоих знамён!

Є тисяча доріг, мільйон вузьких стежинок,
Є тисячі ланів, але один лиш мій.
І що мені робить, коли малий зажинок
Судилося почать на ниві нерясній?

Чи викинути серп і йти байдикувати,
Чи долю проклясти за лютий недорід
І до сусід пристать наймитувати
За пару постолів і шкварку на обід?

Коли б я міг забудь убоге рідне поле,
За шмат цієї землі мені б усе дали...
До того ж і стерня ніколи ніг не коле
Тим, хто взува холуйські постолі.

Та мушу я іти на рідне поле босим,
І мучити себе й ледачого серпа,
І падати з утоми на покоси,
І спать, обнявши власного снопа.

Бо нива ця – моя! Тут я почну зажинок,
Бо кращий урожай не жде мене ніде,
Бо тисячі доріг, мільйон вузьких стежинок
Мене на ниву батьківську веде...

Есть тысячи дорог и миллионы тропок,
Есть тысячи полей, но лишь одно – моё.
И что же делать мне, когда лишь крохи робко
За труд мой принесло нещедрое жнивье?

А может, бросить серп и без толку слоняться,
Судьбу свою кляня за лютый недород,
Или к соседу в батраки податься:
Даст, может, постолы и бросит шкварку в рот.

Когда б я мог забыть моё родное поле,
То за клочок земли всё получил бы я...
К тому же никогда стерня ног не поколет
Тем, кто надел обувку холоя.

Но мне идти босым – родное поле просит –
И мучиться с бездельником-серпом,
И утомлённым падать на покосы,
И спать в обниму с собственным снопом.

Ведь нива-то – моя! Тут я начну зажинок,
Ведь лучший урожай меня нигде не ждёт,
Ведь тысячи дорог и миллион тропинок
Меня на поле отчее ведёт...

Б А Л А Д А ПРО ЗАЙШЛОГО ЧОЛОВІКА

На свято Зелене з густих заплав
Прийшов чоловік і надію посіяв:
- Мене, люди добрі, Пан Бог послав,
Щоб я вам зачав Месію.
Гріхами задавлене ваше село,
Брехня розлилася, як море,
Та встане мій син і лукавство та зло
За Божим велінням поборе.
Ведіть мені дочок сімнадцяти літ,
Я виберу суджену Богом, -
Сказав і присів біля шинку на пліт,
Припикши всіх поглядом строгим.
Коли ж привели перед нього дівчат,
Він мовив, махнувши рукою:
- Ну, що ж, доведеться наступного
року чекать:
Нема поміж ними святої.

І хто тільки міг, той прибуді годив,
Ніс їсти і пити до хати,
Щоб їх визволитель безжурно дожив
В селі до наступного свята.
І знову ведуть перед нього дівчат,
А він лиш хита головою:
- Гай-гай, доведеться наступного
свята чекать:
Нема й поміж цими святої.

І зими біліють, і весни дзюрчать,
Роки пропливають, мов хмари,
А він подивляє паради дівчат
І все не знайде собі пари.
Лиш сумно щоліта кива головою:
- Нема й поміж цими святої...

І люди принишкли, покірні й сумні,
І моляться, хто тільки може:
- Як треба, життя укорочуй мені
Та шли йому суджену, Боже.

На свято тридцятье слухняні осли,
Втомившись присуду ждати,
Навшпиньки до зайди у хату зайшли, -
Він мертвий лежав серед хати.
Коли ж, проклинаючи грішних дівчат,
Обмить його люд позбігався,
Побачили раптом: безплідний кастрат
Месію зачать нахвалявся.

Б Р А М А

Дикими, незнаними речами
Марить брама у тривожнім сні,
Де сторожа брязкає ключами
І скриплять ворота захисні.

Привиди з кривавими мечами,
У накидках чорних, ніби ніч,
Граються безформними м'ячами –
Головами, знесеними з пліч.

Кров стіка під флегматичні мури,
Зойки захололи на губах,
Сотні літ наруги та тортури
Мертвих повертають у гробах.

Та не бачить місто в ніч похмуру,
Як сторожа, вже не при мечах,
Нову жертву кидає під мури
З тряпкою брудною на очах.

И люди поникли, покорны судьбе,
Все молятся, кто только может:
- Коль нужно, и жизнь отдадим мы тебе,
Дай только жену ему, Боже

На праздник тридцатый тупые ослы,
Чьи души терзала тревога,
На цыпочках в хату к приبلуде зашли –
Он мёртвый лежал у порога.
Когда ж, проклиная греховных девчат,
Омыть его люд побегался,
Увидели вдруг, что бесплодный кастрат
Мессию зачать похвалялся.

В О Р О Т А

Дикими, незнанными речами
Бредит башня, слыша ночи вскрик,
Лишь охрана загремит ключами,
Да ворот защитных слышен скрип.

Привиденья с длинными мечами
(в чёрном все, и непонятна речь)
Там играют странными мячами –
Головами, снесенными с плеч.

Кровь стекает дьявольским напитком,
Вскрики холодеют на губах,
Сотни лет глумления и пытки
Мертвецов ворочают в гробах.

И не видит город отупелый:
Стражники, уже не при мечах,
В ров швыряют новой жертвы тело
С тряпкою кровавой на очах.

П Е Р Ш И Й

Першим був не Господь
і не геній,
першим був –
простий чоловік.
Він ходив
по землі зеленій
і між іншим
хлібину спік.
І не зміг
заробить монумента
цей наївний франк
чи дуліб,
бо не зміг він
знайти момента,
щоб узяти патент
на хліб.
Постаріла вже
мудрість божа,
розтрощив її
грізний час.
Хлібом
геній живився кожен,
щоби розум його не погас.
Та нехай над землею година
чи негода лютує і рве, -
вічна мудрість простої людини
в паляниці звичайній живе.

П Е Р В Ы Й

Первым был не Господь
и не гений,
но всему
наступает срок:
Человек,
самый обыкновенный,
между дел
первый хлеб испек.
Только ставить кому
монументы?
Тот наивный франк
иль дулеб
не воспользовался
моментом,
чтоб патент получить
на хлеб.
Уж состарилась
мудрость божья,
сокрушил её
грозный час.
Даже гений
без хлеба не может,
дабы разум его не угас.
Над землёю невзгоды пусть стонут,
или солнце и щедро жнивье, -
мудрость вечная люда простого
в каждом хлебе обычном живёт.

СТАРІСТЬ

Сім десятків дідові старому,
Сам незчувсь, коли і відгуло,-
Вже лице пожовкло, як солома,
Борознами вкрилося чоло,

Сяють очі глибоко спідлоба,
Тільки пух лишивсь на голові...
Лає син, що ні чорта не робить,
Допіка невістка : ще живі?

Остогидло діду хліб жувати,
Слухати образи від усіх,
Ціле літо горобців ганяти
Та граків сусідові на сміх.

Взять би істик, торбу через плечі
І піти світ за очі з села,
Але звик до хати, до малечі,
Що його, мов батька, облягла.

Все стерпить, хіба заплаче стиха,
Дивлячись на добрих малюків
Все стерпить – докори, сором, лихо –
Лиш би вмерти на землі батьків!

СТАРСТЬ

Семь десятков старику седому,
Незаметно времечко прошло,-
Пожелтела кожа, как солома,
Бороздами вспахано чело.

Исподлобья живо светят очи,
Редкий пух торчит над головой...
Сын бранит: работать дед не хочет,
Да невестка: “Вы ещё живой?”

Надоело хлеб жевать украдкой,
Слышать лишь обиды ото всех,
Быть всё лето пугалом на грядках,
Слушая соседей едкий смех.

Есть сума, есть и клюка горбата,
С глаз долой уйти бы со двора,
Но привык, не отпускает хата,
Да ещё обсела детвора.

Стерпит всё, слезу уронит тихо,
Глядя на весёлых сорванцов.
Стерпит всё – укоры, стыд и лихо –
Лишь бы смерть принять в земле отцов!

Гранітні обеліски, як медузи,
Повзли, повзли і вибилися з сил –
На цвинтарі розстріляних ілюзій
Уже немає місця для могил.

Мільярди вір зариті у чернозем,
Мільярди щастя розвіяні у прах...
Душа горить. Палає лютий розум,
І ненависть регоче на вітрах.

Коли б усі одурені прозріли,
Коли б усі убиті ожили,
То небо, від прокльонів посіріле,
Напевно б, репнуло від сорому й хули.

Тремтіть, убивці! Думайте, лакузи!
Життя не наліза на ваш копил.
Ви чуєте? – На цвинтарі ілюзій
Уже немає місця для могил!

Уже народ – одна суцільна рана,
Уже від крові хижіє земля,
І кожного катюгу і тирана
Уже чекає зсукана петля.

Ошукані, зацьковані, убиті
Підводяться і йдуть чинити суд.
І їх прокльони, злі й несамовиті,
Впадуть на душі плісняві і ситі,
І загойдають дерева на вітті
Апостолів злочинства і облуд!
І встане правда і любов на світі,
І на сторожі правди стане труд.

Твердыни обелисков, как медузы,
Ползли, ползли и выбились из сил –
На кладбище расстрелянных иллюзий
Нет больше мест, свободных для могил.

Миллиарды вер – зарыты в землю сразу,
Миллиарды счастья – превратились в прах.
Душа горит, пылает гневный разум,
И ненависть хохочет на ветрах.

Когда б обманутые вдруг прозрели,
А все убитые – ожить смогли,
То небеса б от гнева почернели
И взорвались от срама и хулы.

Дрожите, палачи! Порвался узел –
Жизнь не подгонишь под размер ноги.
Вы слышите? – На кладбище иллюзий
Нет больше мест, свободных для могил!

Уже народ – одна сплошная рана,
Уже земля от крови кривит рот,
И каждого убийцу и тирана
Уже давно расплаты петля ждёт.

Гонимые, убитые безвинно
Встают с колен и расправляют спины –
И суд народа совершится здесь:
Клеймом проклятья сытых увенчают,
И на ветвях дерева раскачают
Апостолов обмана и злодейств.
Любовь и правда воцарятся тут,
Когда на страже правды встанет труд.

НІ , НЕ ВМЕРЛА УКРАЇНА !

Я зустрічався з вами в дні суворі,
Коли вогнів червоні язики
Сягали від землі під самі зорі
І роздирали небо літаки.

Тоді вас люди називали псами,
Бо ви лизали німцям постолі,
Кричали “хайль” охриплими басами
І “Ще не вмерла...” голосно ревли.

Де ви ішли – там пустка і руїна,
І трупи не вмщалися до ям –
Плювала кров'ю “ненька Україна”
У морди вам і вашим хазяям.

Ви пропили б уже її, небогу,
Розпродали б і нас по всій землі,
Коли б тоді Вкраїні на підмогу
Зі сходу не вернулись “москалі”.

Тепер ви знов, позв'язувавши кості,
Торгуєте і оптом, і вроздріб,
Нових катів припрощуєте в гості
На українське сало і на хліб.

Ви будете тинятись по чужинах,
Аж доки дідько вас не забере,
Бо знайте – ще не вмерла Україна
І не умре!

ЕЩЁ НЕ УМЕРЛА!

Я вас встречал, когда в годину горя
Моя земля кровавилась от ран,
А языки огня тянулись к зорям
И разрывали небо “мессера”.

Тогда вас люди называли псами,
Ведь вы лизали у фашистов зад,
Кричали “хайль” охрипшими басами,
Под “Ще не вмерла” крали всё подряд.

Где вы прошли – дымились там руины,
Для новых трупов не хватало ям –
Плевала кровью “ненька Украина”
Всем в морду вам и вашим господам.

Вы б пропили её уже, беднягу,
И продали бы нас на край земли,
Когда б тогда Украине на подмогу
С востока не вернулись “москали”.

Теперь вы вновь, связав гнилые кости,
Продать готовы землю, скот и хлев,
И новых палачей зовёте в гости
На сало украинское и хлеб.

Вы будете слоняться по чужбинам,
Покуда всех вас чёрт не заберёт,
Но знайте – “ще не вмерла Україна”
И не умрёт!

Я

Він дивився на мене тупо
Очицями, повними блекоти:
- Дарма ти себе уявляєш пупом,
На світі безліч таких, як ти.

Він гримів одержимо і люто,
І кривилося гнівом лице рябе,
Він ладен був мене розіпнути
За те, що я поважаю себе.

Не стала навколішки гордість моя...
Ліниво тяглася отара хвилин...
На світі безліч таких, як я,
Та я, їй-богу, один.

У кожного Я є своє ім'я,
На всіх не нагримаєш грізно,
Ми – не безліч стандартних “я”,
А безліч всесвітів різних.

Ми – це народу одвічне лоно,
Ми – океанна вселюдська сім'я.
І тільки тих поважають мільйони,
Хто поважає мільйони “я”.

Я

На меня он уставился тупо
Глазёнками, полными белены:
- Напрасно себя ты считаешь пупом,
Таких вот умников полстраны.

Он гремел одержимой глыбой,
И кривилась от гнева рожа ряба,
Меня готов был распять на дыбе
За то, что я уважаю себя.

Не стала покорною гордость моя...
Отары минут час упорно водил...
На свете масса таких, как я,
Но я, ей-богу, - один.

У каждого Я есть судьба своя,
И всех не придавишь грязно,
Мы – не масса стандартных “я”,
А масса вселенных разных.

Мы – народа извечное лоно,
Мы – океанов народных семья.
И могут тех уважать миллионы,
Кто уважал миллионы “я”.

Ти знаєш, що ти – людина?
Ти знаєш про це чи ні?
Усмішка твоя – єдина,
Мука твоя – єдина,
Очі твої – одні.

Більше тебе не буде.
Завтра на цій землі
Інші ходитимуть люди,
Інші кохатимуть люди –
Добрі, ласкаві й злі.

Сьогодні усе для тебе –
Озера, гаї, степи.
І жити спішити треба,
Кохати спішити треба –
Гляди ж не проспи!

Бо ти ж на землі – людина,
І хочеш того чи ні –
Усмішка твоя – єдина,
Мука твоя – єдина,
Очі твої – одні.

Ты знал, что рождён Человеком?
Об этом ты знал или нет?
Улыбка – твоя навеки,
Мука – твоя навеки,
Взгляд твой – вселенной свет.

Больше тебя не будет.
Завтра на этой земле
Другие ходить будут люди,
Другие любить будут люди,
Живя и в добре, и во зле.

Сегодня тебе в награду –
Озёра, ветра в степи.
И жить торопиться надо,
Любить торопиться надо –
Смотри не проспи!

И будь на земле Человеком!
Ведь хочешь того или нет –
Улыбка – твоя навеки,
Мука – твоя навеки,
Взгляд твой – вселенной свет.

ТИША І ГРІМ

1

Довго спали вітри у ярах на припоні,
Довго тиша гнітюча полями повзла,
І стояли дерева німі на осонні,
Знемагала в пилюці вечірня імла.
 І на трави не бризнули роси, мов перли,
 Як рум'янець густий раннє небо залив.
 І здавалось – життя задрімало, завмерло,
 Заблукало в безмежжі неміряних нив.
І здавалось – нема ні початку, ні краю
Цій нудоті німій і нудній німоті...
Найстрашніше, мабуть, тільки тиша карає,
Коли поруч з тобою повзе по житті.

2

Та звилася з-за лиману
Хмара темно-сиза,
Полоснули ятагани –
Блискавки – донизу.
 І вітри на перепутті
 Загриміли цепом,
 Розірвали свої пута
 І помчали степом.
І озвалися долини
Гомоном знайомим,
І упала на коліна
Тиша перед громом.
 І земля впилась водою,
 Мов живою кров'ю.
 І обнявся сміх з журбою,
 Ненависть – з любов'ю.
Гей, почуйте, добрі люди,
Заздрить мені треба:
Грім ударив мені в груди,
Грім з ясного неба.

ТИШИНА И ГРОМ

1

Долго спали ветра у яров на припоне,
Тишь гнетущая долго полями ползла,
И стояли деревья в немом полусонье,
Да в пыли истощалась вечерняя мгла.

Но на травы, как жемчуг, роса не упала,
Встало утро, румянцем край неба залил.
И казалось – вся жизнь замерла, задремала,
Заблудилась в безбрежье немеряных нив.
И казалось, что нет ни начала, ни края
У немотной тоски и в тоске немоты...
Может, горше всего тишина лишь карает,
Если рядом с тобой будет в жизни ползти.

2

Но вползла из-за лимана
Туча темно-сиза,
Полоснули ятаганы
Молний с верха к низу.

И ветра на перепутье
Загремели цепью,
Разорвали свои путы
И помчались степью.
По долинам, спавшим в лени,
Прокатился гомон –
И упала на колени
Тишина пред громом.
Упилась земля водою,
Как живую кровью.
И обнялись смех с тоскою,
Ненависть – с любовью.
Позавидуйте мне, люди,
Увидали где бы?–
Гром ударил в мои груди,
Гром при ясном небе.

І убив у серці тишу,
Розпанахав спокій –
Я стою і вітром дишу
На землі широкий.

3

Люди різні між нас бувають –
Симпатичні, гарні, чудні.
Дні за днями, бува, куняють,
А живуть лиш у мріях та сні.
Може, це і не дуже грішно –
Не для всіх же доступна даль,
Тільки чомусь в очах їх смішно
Заплелися журба і жаль.
І життя мовби їх не било,
І дріма в них чимало сил,
Але їм тільки сняться крила,
Наяву ж – вони зовсім без крил.
Я судить їх не маю права,
Я для них не бажаю зла –
Я і сам жив отак “цікаво”,
Доки в мене ти не ввійшла.
Сам я сонний ходив землею,
Але ти, як весняний грім,
Стала совістю, і душею,
І щасливим нещастям моїм.

4

Пригадаю усе до слова,
До зітхання згадаю все,
І мене – в недосяжне – знову
Хвиля спогадів понесе.
То наївні, а то суворі,
Сколихнуть вони спокій мій,
А за ними в холодне море
Рушить човен моїх надій.

Тишину убил. Покоя
Панцирь протаранил.
И стою, дышу легко я
Ветром гулкой рани.

3

Многолико людское племя,
Но не все симпатичны мне:
Изо дня в день, бывает, дремлют,
А живут лишь в мечтах да во сне.
 Может, это грешно не очень –
 Не для всех же доступна даль,
 Но порой почему-то очи
 Им туманят боль и печаль.
Жизнь как будто им всё открыла,
В каждом дремлет немало сил,
Но им только лишь снятся крылья,
Наяву же – каждый бескрыл.
 Мне судить их совсем неуместно,
 Никому не желаю зла –
 Я и сам жил вот так “интересно”,
 Пока ты в меня не вошла.
Словно сонный по жизни шел я,
Но лишь ты, как весенний гром,
Стала совестью и душою
В том счастливом несчастье моём.

4

Вспомню всё до единого слова,
Вплоть до вздоха, любую суть.
И меня – в невозможное – снова
Волны памяти понесут.
 Волны памяти – радость и горе,
 Но от них схоронюсь я где ж?
 И за ними в холодном море
 Поплывёт чёлн моих надежд.

Ой, ті плавання невеселі
(Як від правди себе втаю?) –
Розіб'ється човен об скелі,
Об гранітну байдужість твою.

5

Не жартуй наді мною, будь ласка,
І, говорячи, не мовчи.
Нащо правді словесна маска?
Ти мовчанням мені кричи.
 І без слів я усе зрозумію,
 Що сказати маєш мені,
 Та в мовчанні живе надія
 Не почути жорстоке “ні”.

6

Ображайся на мене, як хочеш,
Зневажай, ненавидь мене –
Все одно я люблю твої очі
І волосся твоє сумне.
 Хай досада чи гнів жевріє,
 Хай до сліз я тебе озлю –
 Ти для мене не тільки мрія,
 Я живою тебе люблю.
Для кохання в нас часу мало,
Для мовчання – у нас віки.
Все віддав би, що жить осталося,
За гарячий дотик руки.
 Влийся сонцем у щирю мову,
 У думок моїх течію –
 Я люблю твої губи і брови,
 І поставу, і вроду твою.
Ображайся на мене, як хочеш,
І презирством убий мене –
Все одно я люблю твої очі
І волосся твоє сумне.

Но найду ли то, что искал я?
Результат предскажем уже:
Разобьётся мой чёлн о скалы
Безразличья в твоей душе.

5

Не шути над моею сказкой,
И, когда говоришь, не молчи.
Правде чужды словесные маски –
Ты молчанием мне кричи.
И без слов я понять сумею
Всё, что можешь высказать мне,
Но в молчанье надежда тлеет
Не слышать жестокое “нет”.

6

Обижайся, брани, если хочешь.
Унижать, презирать – вольна.
Всё равно мне милы твои очи
И печальных волос волна.
Пусть досада и гнев – что толку?
Пусть до слёз я тебя разозлю –
Для меня ты – мечта, но не только –
Я реальной тебя люблю.
Для любви у нас сроку мало,
Для молчанья – у нас века.
Всё бы отдал, что жить осталось,
Чтоб, касаясь, горела рука.
Влейся солнцем в сердечность слова,
В мыслей бег, что в душе несу, –
Я люблю твои губы и брови,
Стать твою и твою красу.
Обижайся, брани, если хочешь,
И презреньем убей. Пойму.
Всё равно я люблю твои очи
И печальных волос волну.

7

Чому смуток з тобою поруч
Часто ходить у світлі дні?
Певне, є в тобі біль і горе,
Невідомі зовсім мені.

Хоч на щастя життя багате,
Але кожну людину ждуть
І печалі, і сум, і втрати,
І не можна їх обминуть.

Але к бісу цю мудрість убогу!
І догадки під три чорти!
Я бажаю, щоб всю дорогу,
Все життя усміхалась ти.

Щоб ніколи сльоза на вії
Не світилася, мов роса.
Хай же щастям завжди рясніє
Некриклива твоя краса.

Я не йму тобі зовсім віри,
Як сумною побачу тебе, –
Небо в сутінь буває сірим,
А насправді ж воно – голубе.

8

Здрастуй, сонце, і здрастуй, вітре!
Здрастуй, свіжосте нив!
Я воскрес, щоб із вами жити
Під шаленством весняних злив.

Хай заляжеться тиша навколо,
Йй знову стану, як ви, німим,
Але в серці моїм ніколи
Не замовкне весняний грім.

7

Почему часто грусть с тобою
Ходит рядом меж светлых дней?
Видно, есть в тебе горе с болью,
Неизвестные вовсе мне.

И хотя счастьем жизнь богата,
Только каждого ждут в пути
И печали, и боль утраты –
Их немислимо обойти.

Но к чертям эту мудрость убогу!
И догадки – чертям в хвосты!
Я желаю, чтоб всю дорогу,
Чтоб всю жизнь улыбалась ты.

Чтоб слеза на твоих ресницах
Исчезала, рососою став.
Пусть же счастьем всегда искрится
Красоты твоей простота.

Я к тебе не имею веры,
Если вижу, что ты грустна, -
Небо в сумерки видим серым,
Но оно – синева без дна.

8

Здравствуй, солнце, и здравствуй, ветер!
Здравствуй, нива в сияньи рос!
Я воскрес, чтобы с вами встретить
Буйство первых весенних гроз.

Пусть вокруг тишина смежит веки,
Пусть, как вы, стану нем потом,
Только в сердце моём навеки,
Не замолкнет весенний гром.

9

Пройдуть зливи, замовкнуть грози,
Задрімають вітри на ланах.
І весняного гromу погрози
Пронесе стороною луна,

А проміння довге, як мітли,
Обмете сизохмарну даль.
І пройдеш ти, лишивши світлу,
Невгамовну мою печаль.

Та в прекраснім житті важкому
Будуть завжди сіять мені
В душу, повну вітрів і гromу,
Сіруватих очей вогні.

* * *

Світ який – мереживо казкове!
Світ який – ні краю, ні кінця!
Зорі й трави, мрево світанкове,
Магія коханого лица.

Світе мій гучний, мільйоноокий,
Пристрасний, збурунений, німий,
Ніжний, і ласкавий, і жорстокий,
Дай мені свій простір і неспокій,
Сонцем душу жадібну налий!

Дай мені у думку динаміту,
Дай мені любові, дай добра,
Гуркочи у долю мою, світе,
Хвилями прадавнього Дніпра.

Не шкодуй добра мені, людині,
Щастя не жалій моїм літам –
Все одно ті скарби до краплини
Я тобі закохано віддам.

9

Минут ливни, замолкнут грозы,
Будут ветры дремать под луной.
И весеннего грома угрозы
Эхо вдаль унесёт стороной.

Как метлою, лучи рассвета
Обметут сизохмурую даль.
И пройдёшь ты, оставив светлой,
Неуёмной мою печаль.

Жизнь прекрасно-трудна, поверьте,
Но сиять будут мне одни
В душу, полную грома и ветра,
Сероватых очей огни.

* * *

Мир какой! Как кружева из сказки!..
Мир какой – ни края, ни конца!
Зори, травы, предрассветья ласка,
Магия любимого лица.

Мир мой, гибкий, миллионноокий,
Вспененный, пристрастный и немой,
Нежный, чуткий, ласковый, жестокий,
Дай мне свой простор, свои истоки,
Жаждущую душу мне омой.!

Динамитом мысль мою наполни,
Не жалея любви и добра,
Грохочи в судьбу мою, как волны
Мудрого прадавнего Днепра.

И не надо на добро скупиться,
Счастья не жалея моим годам –
Всё равно весь клад твой, до крупницы,
Я тебе восторженно отдам.

ЛЕБЕДІ МАТЕРИНСТВА

Мріють крилами з туману лебеді рожеві,,
Сиплють ночі у лимани зорі сургучеві.
Заглядає в шибу казка сивими очима,
Материнська добра ласка в неї за плечима.
Ой біжи, біжи, досадо, не вертай до хати,
Не пуцу тебе колиску синову гойдати.
Припливайте до колиски, лебеді, як мрії,
Опустіться, тихі зорі, синові під вії.
Темряву тривожили криками півні,
Танцювали лебеді в хаті на стіні,
Лопотали крилами і рожевим пір'ям,
Лоскотали марево золотим сузір'ям.
Виростеш ти, синку, вирушиш в дорогу,
Виростуть з тобою приспані тривоги.
У хмельні смеркання мавки чорноброві
Ждатимуть твоєї ніжності й любові.
Будуть тебе кликати у сади зелені
Хлопців чорночубих диво-наречені.
Можеш вибирати друзів і дружину,
Вибрати не можна тільки Батьківщину.
Можна вибрати друга і по духу брата,
Та не можна рідну матір вибирати.
За тобою завше будуть мандрувати
Очі материнські і білява хата.
І якщо впадеш ти на чужому полі,
Прийдуть з України верби і тополі,
Стануть над тобою, листям затріпочуть,
Тугою прощання душу залоскочуть.
Можна все на світі вибирати, сину,
Вибрати не можна тільки Батьківщину.

ЛЕБЕДИ МАТЕРИНСТВА

Брежжат крыльями в тумане розовые птицы,
Ночи сыплют на лиманы алые зарницы.
Заглянула в окна сказка сивыми очами,
Материнской доброй ласке стала за плечами.
Ой беги, беги, досада, не вертись у хаты,
Не пушу тебя я люльку сына колыхати.
Приплывайте к колыбели, лебеди, как грёзы,
Лягут сыну под ресницы тихо-тихо звёзды.
Тишину тревожили крики петухов,
Танцевали лебеди на стене легко.
Трепетали крыльями, перьем розоватым,
Щекотали марево золотое в хате.
Вырастешь, сыночек, выберешь дорогу,
Вырастут с тобою спавшие тревоги.
В сумерки хмельные мавки чернобровы
От тебя ждать будут ласки и любви.
Будут петь так любо зазывные песни
Хлопцев чёрночубых девушки-невесты.
Можешь выбрать друга и жену до тризны,
Только невозможно выбирать Отчизну.
И по духу брата можешь выбрать тоже,
Только мать родную выбирать не можешь.
Где б ты ни был, всюду будет вечно рядом
Беленькая хата с материнским взглядом.
А коль пасть придётся на чужом просторе,
То придут с Украины вербы с осокорем.
Задрожат листвою, встанут над тобою,
Защекочут душу расставанья болью.
Всё – поверь, сыночек, - можно
выбрать в жизни,
Выбрать невозможно только лишь Отчизну.

ЗАЯЧИЙ ДРІБ

Їм справді однаково

- Нема прогресу, - вирішили блохи, -
Однак нас били й б'ють у всі епохи.

Така служба

Собака день і ніч на всіх гарчить сердито.
А що ж йому робить?!
Собаці треба жити.

А в кого ж...
Над Пуголовком Жаба поглумилась:
- І в кого ти таке гидкенське уродилось!..

Хвалилися миші:

Людей із світу ми могли б звести,
Якби не підсобляли їм коти...
А комірник радів у вечоровій тиші :
- Я у тюрмі б сидів, та виручають миші.

Мрія дармоїда

Побачив море й вигукнув Онисько: -
- Якби мені таку завбільшки миску!..

Чи додумається?

Влетіла Мошка в око до Вола
Та й богу душу, звісно, віддала.
Побачила здивована Коза,
Як з ока у Вола скотилася сльоза,
Тепер вона все ходить та гадає:
- Чому так Віл за Мошкою ридає?

ЗАЯЧЬЯ ДРОБЬ

Им в самом деле всё равно

Прогресса нет, - твердят упорно блохи, -
Нас неизменно бьют во все эпохи...

Такая служба

Собака то рычит, то лает за оградой.
А что же делать ей?
Собаке жить-то надо.

А в кого же...
Над Головастиком Лягушка поглумилась:
- В кого ж ты гадкое такое уродилось?

Хвалились мыши:

- Людей могли б мы со свету свести,
Когда б не помогали им коты...
Но рад был кладовщик, мышинный писк услышав:
- Сидеть бы мне в тюрьме, да выручают мыши.

Мечта дармоеда

Увидев море, заорал Онисько:
Ох, если б мне таких размеров миску!

Догадается ли?

Влетела Мошка в глаз Вола
И Богу душу отдала.
Узрела удивлённая Коза:
Из глаза у Вола течёт слеза.
Теперь она всё думает-гадает:
Ну почему по Мошке Вол рыдает?

МАНДРІВКА ПО ЦВИНТАРІЮ

Ледареві

Цьому однаково, чи помирать, чи жить –
Живим лежав і тут лежить.

Злодієві

Його за те Всевишній покарав,
Що він коси у смерті не украв.

Кляузникові

Отрути й жовчі стільки в нім засохло,
Що черв'яки в його труні подохли.

Заздрісникові

А цей ночами все сичить і свище,
Хоч вже перетворивсь на порошок:
- Чого могила у сусіда вища
І домовина довша на вершок?

Роззяві

Цей у могилі з горя занеміг,
Що власний похорон побачити не зміг.

Менторові

Нарешті люд знесилений спочив
Од язика, що всіх і всюди вчив.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОГОСТУ

Лежебоке

Ему без разницы: иль помирать, иль жить –
Живым лежал и мёртвым тут лежит.

Злодею

Его за то Всевышний наказал,
Что он косу у смерти не украл.

Кляузнику

Отравы, желчи столько в нём засохло,
Что черви все в его гробу подохли.

Завистнику

А этот по ночам сычит и свищет,
Хотя уже сотлел на порошок:
- Ну почему могила рядом – выше,
А гроб – длиннее на вершок?!

Ротозею

Он от того в могиле занемог,
Что увидеть себя в гробу не смог.

Ментору

Здесь получил заслуженный причал
Язык, что всех и всюду поучал.

СОДЕРЖАНИЕ

А песня сердца к сердцу достучится.....	3
СУДЬБЫ ЧЕРЕСПОЛОСИЦА	
ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ.....	9
Д О Р О Г А.....	10
«Ташусь по жизни...».....	10
МУРАВЬИ.....	11
ТРИ СОЛОМИНКИ.....	12
НЕЗНАКОМКЕ.....	12
ОДА ЯБЛОКУ.....	13
«Дорогая, не верь зеркалам...».....	14
«Родная, смешно мне твоё беспокойство...».....	14
«Зимний вечер, пасмурен и тучен...».....	15
«На рассвете к окошку горницы...».....	15
«Ломаются крылья романтики...».....	16
«Листья падают – что ж в том хорошего? ...».....	16
«Астры поздние, астры грустные...».....	17
«Стирает солнце, оплывая...».....	17
ОДУВАНЧИК.....	18
ФЕВРАЛЬ.....	19
«Что было - то пропето...».....	20
«Разноцветья покрывало...».....	21
«Как всегда, в феврале кто же оттепель ждал? ...».....	21
«Снова мне улыбается май...».....	22
«Лист багрянцеваый с ветки сорвался...».....	22
«Глеют дрова в мангале...».....	23
«Раскололся судьбы моей перстень...».....	24
ЦВЕТУТ КАШТАНЫ.....	25
«Уснувших под штилем...».....	26
«С изумрудной чёлкой...».....	26
«Сдвинув тучек ветошь...».....	27
СТОГА.....	28
НА КРЕЩЕНЬЕ.....	29
СТАРОСТЬ.....	30
 НА ОСИ БЫТИЯ	
«Осень поздняя гостьей непрощенной...».....	31
«Ночь. Безлунье. Даже шорохи...».....	31
«Было время – и страх, и дрожь...».....	32
«Мне точно в срок...».....	33
Р А С Ч Ё Т.....	34

«Мы с тобой – пятаки на сдачу...».....	35
«Облетели, как пух, одуванчики...».....	35
НА ОСИ БЫТИЯ.....	36
В О Л К И.....	37
ЧЕРТОПОЛОХ.....	37
ПРАВДА СТЕРНИ.....	39
РАКИ.....	40
ПОДРАНКИ.....	41
АКАЦИИ.....	42
«Я, как и все, понятный и простой...».....	43
«Вы знаете, как это здорово...».....	43
«Не храните в душе обиды...».....	44
«Пролилась где-то тучка слезой...».....	44
ФАЛЬШИВЫЕ РИЗЫ.....	45
«В серости буден...».....	46
9 МАЯ.....	47
«Вы о чём загрустили? Полноче...».....	48
ЗОНА ЗЕМЛИ.....	49
ТАЛАНТ.....	50
ГОЛГОФА.....	51
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.....	52
БАЛЛАДА О МЛЕЧНОМ ПУТИ.....	53

КРИВОЕ В ЗЕРКАЛЕ

«Что-то лучше, Что-то хуже...».....	56
«Если место голое...».....	56
«Приходу поздней осени не рад...».....	57
«Послушен малыш, не послушен...».....	57
«Кто пишет трезво, кто по пьянке...».....	58
АЛКАШГАРДИСТАМ.....	58
ПРЕДОСТОРОГА.....	59
РУЛЕТКА.....	61
И Д У.....	62
«У полей состригли золотые кудри...».....	63
«Упал рассвет созревшей вишней...».....	64
«Сорок лет Моисей...».....	64
«Где такое раньше было? ...».....	65
МИШУРА.....	66
«Их ряды не поредеют...».....	67
ПРАВОСУДИЕ.....	67
«Как парусник без ветерка...».....	68
«Говорят, среди врачей...».....	68
«Баварскою колбаскою...».....	69

«Грустя, бродил я в райских куцах...».....	69
«Орлы взлетят до облаков мохнатых...».....	70
РЕЦЕПТ ЗДОРОВ'Я.....	70
СТРОФЫ	71
ПЕРЕКЛАДИ	87
ПЕРЕВОДЫ	87
Із Володимира Базилевського	
Із Володимира Базилевського	
ДИКЕ ПОЛЕ	88
ДИКОЕ ПОЛЕ.....	89
«Грiховнiсть од, мiзернiсть правд...».....	90
«Пiсля нечуваних потрав...».....	90
«Греховность од, мизерность правд...»	91
«Прошѐл потрав жестокий шквал...».....	91
ФАНТОМНИЙ БИЛЬ.....	92
ФАНТОМНАЯ БОЛЬ.....	93
«Ще Брут не втiк...».....	94
«Брут не сбежал...».....	95
«Я степ читав – не прочитав...».....	96
«Я степ читал – не прочитал...».....	97
ЧИТАННЯ ПОПЕЛУ.....	98
ЧТЕНИЕ ПЕПЛА.....	99
Я М А	100
Я М А.....	101
А ДНІВ ШУРХОТІВ ОЧЕРЕТ.....	106
«І зрушили льодовики...».....	106
А ДНЕЙ ШЕЛЕСТЯТ КАМЬШИ.....	107
«І сдвинулись громады льда...».....	107
«Таку підважив ношу...».....	108
«А ніч, мов колодязь, глибока...».....	108
«Такою ношу подняв...».....	109
«А ночь, как колодец, глубока...».....	109
«Мов Хлоя й Дафніс...».....	110
КАРАМЕЛЬКА.....	110
«Как Дафнис с Хлоей...».....	111
КАРАМЕЛЬКА.....	111
«С пізнi медоноси, вони цвітуть тоді...».....	112
«Я спогадом ревно себе бороню...».....	112
«Срок поздних медоносов...».....	113
«Я помню - и это спасает меня...».....	113
«Не тріумфуй – збулись чужого іга...»	114

«Орали, сіяли, косили...».....	114
«Не торжествуй – чужое иго сбросил...».....	115
«Пахали, сеяли, косили...».....	115

Из Василя Симоненка

Из Василя Симоненко

ГНІВНІ СОНЕТИ

ПОГОДА.....	116
-------------	-----

ГНЕВНЫЕ СОНЕТЫ

П О Г О Д А.....	117
------------------	-----

БЕЗ НАЗВИ.....	118
----------------	-----

«Ой майнули білі коні...».....	118
--------------------------------	-----

БЕЗ НАЗВАНИЯ.....	119
-------------------	-----

«Ой, мелькнули белы кони...».....	119
-----------------------------------	-----

«Я чую у ночі осінні...».....	120
-------------------------------	-----

«Я чувствую ночью осенней...».....	121
------------------------------------	-----

«Де зараз ви, кати мого народу? ...».....	122
---	-----

П О К А Р А.....	122
------------------	-----

«И где теперь вы, палачи народа? ...».....	123
--	-----

БОЖЬЯ КАРА.....	123
-----------------	-----

ПОЕТ І ПРИРОДА.....	124
---------------------	-----

«Може, ти зі мною надто строга...».....	124
---	-----

ПОЭТ И ПРИРОДА.....	125
---------------------	-----

«Может, ты со мною слишком строгая? ...».....	125
---	-----

«Может, так і треба неодмінно...».....	126
--	-----

«Может, так велят нам наши гены...».....	126
--	-----

«Задивляюсь у твої зіниці...».....	128
------------------------------------	-----

«Вглядываюсь я в твои зеницы...».....	129
---------------------------------------	-----

«С тысяча доріг, мільйон вузьких стежинок...».....	130
--	-----

«Есть тысячи дорог и миллионы тропок...».....	131
---	-----

БАЛАДА ПРО ЗАЙШЛОГО ЧОЛОВІКА.....	132
-----------------------------------	-----

БАЛЛАДА О ПРИШЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ.....	133
---------------------------------	-----

Б Р А М А.....	134
----------------	-----

В О Р О Т А.....	135
------------------	-----

П Е Р Ш И Й.....	136
------------------	-----

П Е Р В Ы Й.....	137
------------------	-----

СТАРІСТЬ.....	138
---------------	-----

СТАРОСТЬ.....	139
---------------	-----

«Гранітніobelіски, як медузи...».....	140
---------------------------------------	-----

«Твердыниobelісков, как медузы...».....	141
---	-----

НІ, НЕ ВМЕРЛА УКРАЇНА !.....	142
------------------------------	-----

ЕЩЁ НЕ УМЕРЛА!.....	143
---------------------	-----

Я.....	144
--------	-----

 ВКУС ПОЛЫНИ

Я.....	145
«Ти знаєш, що ти – людина? ...».....	146
«Ты знал, что рождён Человеком? ...».....	147
ТИША І ГРІМ.....	148
ТИШИНА И ГРОМ.....	149
«Світ який – мереживо казкове! ...».....	156
«Мир какой! Как кружева из сказки!...».....	157
ЛЕБЕДИ МАТЕРИНСТВА.....	158
ЛЕБЕДИ МАТЕРИНСТВА.....	159
ЗАЯЧИЙ ДРІБ.....	160
ЗАЯЧЬЯ ДРОБЬ.....	161
МАНДРІВКА ПО ЦВИНТАРЮ.....	162
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОГОСТУ.....	163